

А. Талызин

**ПОКОЛЕНИЕ
ОБРЕЧЕННЫХ**

А. ГАЛИЧ

ПОКОЛЕНИЕ
ОБРЕЧЕННЫХ

ПОСЕВ

Обложка работы художника Н. И. Николенко

3-е издание, 1975

Printed in Germany
© Possev-Verlag, V. Gorachek K. G., 1972
Frankfurt/Main

ГИТАРА ГАЛИЧА

«...Подруга семиструнная,
Прелестница моя!»

Вот уже добрый десяток лет мы слушаем и поем песни Александра Аркадьевича Галича, с нетерпением ожидая появления каждого нового его произведения и еще ни разу — ни в одном — не разочаровавшись... Теперь, с выходом в свет этого сборника, общение певца со слушателями переходит в новую стадию — в общение поэта с читателем. Исполняется давняя мечта поэта:

«...вот она, эта книжка,
Не в будущем, в этом веке!
Снимает ее мальчишка
С полки в библиотеке!»

Проникнутая столь свойственным русской литературе высоким гуманизмом и патриотизмом лирика Галича многообразна и многотемна: поэт говорит о настоящей большой любви и о предательстве; о верной дружбе и о мелких мещанских склоках; о подлинном гражданском мужестве и о людях, потерявших человеческий облик; о подвигах и о подлостях, — обо всем, что есть в нашей жизни, что, собственно, ее, эту жизнь, и составляет.

Песни Галича ценны не только тем, ни с чем не сравнимым чувством сопереживания, единства с поэтом, которое возникает при чтении любой на-

стоящей поэзии, — взятые в совокупности, они — можно сказать без всякого преувеличения — представляют собой энциклопедию нашей современной российской действительности.

В стихах Галича — вся Россия. Россия активная и Россия пассивная. Активная — та, которая выбирает, как выбирала столетия назад: свободу или стукачество. Многие выбирают второе: сколько встретим мы на страницах этой книги вертухаев, стукачей, «попок» — на работе и на пенсии, уверенных в себе и дрожащих от страха. Тех стариков, которые управляют миром, живя за семью заборами, тех гипсовых обрубков, которые терпеливо выжидают своего часа и твердо верят, что еще сойдутся.

А другие — другие умирают в лагерях Норильска и Воркуты, кричат от отчаянья, от обиды, от боли, от голода, сходят с ума и кончают жизнь самоубийством. Те же, кто чудом выжил и спасся, начинают задумываться: «за какой мы погибли цвет»? за что? И подрастают мальчишки, которые спрашивают, спрашивают, спрашивают... и девочки, хотя и родившиеся «поздно», но все знающие, все умеющие — а «воевать никогда не поздно!» И у них есть свои поэты, свои художники — уничтожаемые властью физически и морально, те, которых официальная пропаганда пытается втоптать в грязь и заставить замолчать. Художник — человек, его убить можно, но — «слово останется, слово осталось! Не к слову,

а к сердцу приходит усталость». Потому что боль художника — это боль всего народа. И вершина его жизни, его подвижничества именно в том, что наступает такая «странная минута», в которую его собственное «непонятное, чужое лихо стало общим лихом, почему-то!» И тогда не нужно собраний сочинений с партийными предисловиями, пылящихся миллионными тиражами в магазинах — «'Эрика' берет четыре копии, вот и все, а этого достаточно». И не нужно, чтобы зарабатывали тебе гонорары безголосые певички, ублажающие под праздники твоими песнями толстомордых подонков — ведь «есть магнитофон системы «Яуза», вот и все, и этого достаточно!»

Но есть в стихах Галича и другая Россия, Россия пассивная — люди, которые ничего не выбирают: ни дачки в Павшине, ни смерти на Колыме, — которые просто живут на нашем «шарике», где все теперь почему-то «вкривь и вкось». Ни в чем не виноватые и ни в чем не разбирающиеся, они просто попали под перемалывающие их жернова истории, искалечившие их жизнь и психологию, сместившие все понятия о морали, о добре и зле. Да, сумасшедший дом, действительно, представляется лучшим местом для отдыха от этого «автоматного» столетия: «Ах, у психов жизнь — так бы жил любой: хочешь — спать ложись, хочешь — песни пой!» И невольно задаешься вопросом, где, собственно, сумасшедший дом — в стенах психобольницы или за ее стенами? Не там ли ненормальность, где дочь выхо-

дит замуж за человека, всю жизнь мучавшего ее мать? где жена требует, чтобы муж рассказывал о своей измене на общем собрании? где в любую мелочь жизни вмешиваются стукачи и холуи? где научные работники учат автомат жульничать? где люди вешаются только потому, что «надо и того купить, и сего купить... а сырку к чайку или ливерной — там двугривенный, тут двугривенный, а где ж их взять!» И мечется, мечется задерганный, запуганный, измученный советский человек, «счастливый» человек, «родившийся в смиренной рубахе»...

Все это — обречено. Обречены злые старики, хотя они пока и правят миром, обречены вертухаи и стукачи — все палачи, боящиеся во сне увидеть своих братьев по профессии. Обречены и их жертвы — люди, навсегда покалеченные в лагерях и тюрьмах, обыватели, вечно живущие в страхе: «культ не культ, а чего не случается», ни во что не верящие. те, у кого нет ничего святого, а есть только бутылка водки на голодный желудок и еще веревка, на которой можно повеситься.

И «выбирающие свободу» — тоже обречены: на тюрьмы, каторги и ссылки, на собрания, где «праведные суки брызжут пеною», на страдания своих родных и близких...

Эпиграфом к одной из своих песен Галич взял знаменитые слова Иоанна Крестителя (еванг. от Матфея): «...но Идущий за мною сильнее меня...» Нет, наверное, те, кто идут за нами, не будут ни

сильнее, не лучше нас — они будут такими же, но результаты их будут лучше: именно потому, что они начнут строить на фундаменте, заложенном этим поколением, поколением Петра Григорьевича Григоренко и Наташи Горбаневской, Анатолия Эммануиловича Краснова-Левитина и Петра Якира, Володи Буковского, Андрея Амальрика, Юрия Галанскова и многих, многих — несть которым числа в нашей стране!

Александр Галич — настоящий большой поэт. Своеобразное сочетание драматизма и острой сатиры (а порой — просто грустного юмора) в его творчестве; удивительная точность выбора наиболее характерных жизненных ситуаций; мастерство создания образов; великолепное проникновение в человеческую психологию; замечательно верные речевые характеристики людей; ассоциативность стиха, создающая тот подтекст, без которого нет подлинного творчества; разнообразие ритмов, форм и жанров его поэзии — все это пока еще ждет своего серьезного исследователя.

А пока — пусть читатель, которому выпала радость раскрыть сейчас эту книгу, знает только одно:

во всех городах России в темных и светлых, больших и маленьких, общих и отдельных квартирах каждый вечер собираются люди, для которых судьба России неотделима от их собственной. И каждый вечер во всех уголках нашей страны звучит:

— Послушаем — Галича!

И звенит, звенит гитара Галича, и струны ее
никогда не издали ни одного неверного звука,
ибо не ведает фальши гитара нашего поэта и
певца.

А. Дрор

Я ВЫБИРАЮ
СВОБОДУ

СТАРАТЕЛЬСКИЙ ВАЛЬСОК

Мы давно называемся взрослыми
И не платим мальчишеству дань,
И за кладом на сказочном острове
Не стремимся мы в дальнюю даль.
Ни в пустыню, ни к полюсу холода,
Ни на катере — к этакой матери!
Но поскольку молчание — золото,
То и мы, безусловно, старатели.

Промолчи — попадешь в богачи!
Промолчи, промолчи, промолчи!

И не веря ни сердцу, ни разуму,
Для надежности спрятав глаза,
Сколько раз мы молчали по-разному,
Но не «против», конечно, а «за»!
Где теперь крикуны и печальники?
Отшумели и сгнули смолоду...
А молчальники вышли в начальники,
Потому что молчание — золото.

Промолчи — попадешь в первачи!
Промолчи, промолчи, промолчи!

И теперь, когда стали мы первыми,
Нас заела речей маята,
Но под всеми словесными перлами
Проступает пятном немота.
Пусть другие кричат от отчаянья,
От обиды, от боли, от голода!

Мы-то знаем — доходней молчание,
Потому что молчание — золото!

Вот как просто попасть в богачи,
Вот как просто попасть в первачи,
Вот как просто попасть — в палачи:
Промолчи, промолчи, промолчи!

ПЕТЕРБУРГСКИЙ РОМАНС

Посвящается Н. Рязанцевой

«Жалеть о нем не должно,
он сам виновник всех своих злосчастных бед,
Терпя, чего терпеть без подлости — не можно...»

Н. Карамзин

...Быть бы мне поспокойней,
Не казаться, а быть!
...Здесь мосты, словно кони —
По ночам на дыбы!

Здесь всегда по квадрату
На рассвете полки —
От Синода к Сенату,
Как четыре строки!

Здесь, над винною стойкой,
Над пожаром зари
Наколдовано столько,
Набормотано столько,
Что пойдя — повтори!

Все земные печали —
Были в этом краю...
Вот и платим молчаньем
За причастность свою!

...Мальчишки были безусы —
Прапоры и корнеты,

Мальчишки были безумны,
К чему им мои советы?!

Лечиться бы им, лечиться,
На кислые ездить воды —
Они ж по ночам:

«Отчизна!
Тираны! Заря свободы!»

Полковник я, а не прапор,
Я в битвах сражался стойко,
И весь их щенячий табор
Мне мнился игрой, и только.

И я восклицал: «Тираны!»
И я прославлял свободу,
Под пламенные тирады
Мы пили вино, как воду.

И в то роковое утро,
(Отнюдь не угрозой чести!)
Казалось, куда как мудро
Себя объявить в отъезде.

Зачем же потом случилось,
Что меркнет копеекой ржавой
Всей славы моей лучинность
Пред солнечной ихней славой?!

...Болят к непогоде раны,
Уныло проходят годы...

Но я же кричал:
«Тираны!»
И славил зарю свободы!

Повторяется шепот,
Повторяем следы.
Никого еще опыт
Не спасал от беды!

О, доколе, доколе,
И не здесь, а везде
Будут Клодтовы кони
Подчиняться узде?!

И все так же, не проще,
Век наш пробует нас —
Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь,
Можешь выйти на площадь,
Смеешь выйти на площадь
В тот назначенный час?!

Где стоят по квадрату
В ожиданьи полки —
От Синода к Сенату,
Как четыре строки?!

22 августа 1968 г.
Дубна.

ЗАКОН ПРИРОДЫ (Подражание Беранже)

Ать-два, левой-правой,
Три-четыре, левой-правой,
Ать-два-три,
Левой, два-три!

Отправлен взвод в ночной дозор
Приказом короля,
Выводит взвод тамбур-мажор,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля!
Эй, горожане, прячьте жен,
Не лезьте сдуру на рожон!
Выводит взвод тамбур-мажор,
Тра-ля-ля-ля!
Пусть в бою труслив, как заяц,
И деньжат всегда в обрез,
Но зато — какой красавец,
Чёрт возьми, какой красавец!
И какой на вид храбрец!

Ать-два, левой-правой,
Три-четыре, левой-правой,
Ать-два-три,
Левой, два-три!

Проходит взвод при свете звезд,
Дрожит под ним земля,
Выходит взвод на Чёртов мост,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля!
Чеканя шаг, при свете звезд,
На Чёртов мост выходит пост,

И, раскачавшись, рухнул мост,
Тра-ля-ля-ля!
Целый взвод слизнули воды,
Как корова языком,
Потому что у природы
Есть такой закон природы —
Колебательный закон!

Ать-два, левой-правой,
Три-четыре, левой-правой,
Ать-два-три,
Левой, два-три!

Давно в музей отправлен трон,
Не стало короля,
Но существует тот закон,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля!
И кто с законом не знаком,
Пусть учит срочно тот закон,
Он очень важен, тот закон,
Тра-ля-ля-ля!
Повторяйте ж на дорогу
Не для кружева-словца,
А поверьте, ей же Богу,
Если все шагают в ногу —
Мост об-ру-ши-ва-ет-ся!

Ать-два, левой-правой,
Три-четыре, левой-правой,
Ать-два-три,
Левой, правой —
Кто как хочет!

ВАЛЬС, ПОСВЯЩЕННЫЙ УСТАВУ КАРАУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ

Поколение обреченных!
Как недавно и, ах, как давно,
Мы смешили смешливых девчонок,
На протырку ходили в кино.

Но задул сорок первого ветер —
Вот и стали мы взрослыми вдруг.
И вколачивал шкура-ефрейтор
В нас премудрость науки наук.

О, суконная прелесть устава —
И во сне позабыть не моги,
Что любое движенье направо
Начинается с левой ноги.

А потом в разноцветных нашивках
Принесли мы гвардейскую статью
И женились на разных паршивках,
Чтобы все поскорей наверстать.

И по площади Красной, шалея,
Мы шагали — со славой на «ты», —
Улыбался нам Он с мавзолея,
И охрана бросала цветы.

Ах, как шаг мы печатали браво,
Как легко мы прощали долги!..
Позабыв, что движенье направо,
Начинается с левой ноги.

Что же вы присмирели, задиры?!
Не такой нам мечтался удел.
Как пошли нас судить дезертиры,
Только пух, так сказать, полетел.

Отвечай, солдат, как есть на духу!
Отвечай, солдат, как есть на духу!
Отвечай, солдат, как есть на духу!
Ты кончай, солдат, нести чепуху:
Что от Волги, мол, дошел до Белграда,
Не искал, мол, ни чинов, ни разживу...
Так чего же ты не помер, как надо?
Как положено тебе по ранжиру?!

Еле слышно отвечает солдат,
Еле слышно отвечает солдат,
Еле слышно отвечает солдат —
Ну, не вышло помереть, виноват.
Виноват, что не загнулся от пули,
Пуля-дура не в того угодила,
Это вроде как с наградами в ПУРе*,
Вот и пули на меня не хватило!

Все морочишь нас, солдат, стариной?!
Все морочишь нас, солдат, стариной!
Все морочишь нас, солдат, стариной —
Бьешь на жалость, гражданин строевой!
Ни денег, мол, ни квартирки отдельной,
Ничего, мол, нет такого в заводе,
И один ты, значит, вроде идейный,
А другие, значит, вроде Володи!

---

* ПУР — политуправление.

Ох, лютует прокурор-дезертир!
Ох, лютует прокурор-дезертир!
Ох, лютует прокурор-дезертир! —
Припечатает годкам к десяти!

Ах, друзья ж вы мои, дуралеи, —
Снова в грязь непроезжих дорог!
Заключенные параллели
Преподали нам славный урок —

Не делить с подонками хлеба,
Перед лестью не падать ниц,
И не верить ни в чистое небо,
Ни в улыбки сиятельных лиц.

Пусть опять нас тетёшкает слава,
Пусть друзьями назвались враги, —
Помним мы, что движенье направо
Начинается с левой ноги!

ПАМЯТИ ЖИВАГО

«...Два вола, впряженные в арбу, медленно подымались на крутой холм. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» — спросил я их. — «Из Тегерана». — «Что везете?» — «Грибоеда».

А. Пушкин

«Путешествие в Эрзерум»

Спячь над Москвою пожары,
И грязная наледь в крови.
И это уже не татары,
Похуже Мамаю — свои!

В предчувствии гибели низкой
Октябрь разыгрался с утра,
Цепочкой, по Малой Никитской
Прорваться хотят юнкера.

Не надо, оставьте, отставить!
Мы загодя знаем итог!
А снегу придется растаять
И с кровью уплыть в водосток.

Но катится снова и снова
— Ура! — сквозь глухую палубу.
И чёлка московского сноба
Под выстрелы пляшет на лбу!

Из окон, ворот, подворотен
Глядит, притаясь, дребедень.
А суть мы потом наворотим
И тень наведем на плетень!

И станет далекое близким,
И кровь притворится водой,
Когда по Ямским и Грузинским
Покой обернется бедой!

И станет преступное дерзким,
И будет обидно, хоть плачь,
Когда протрусит Камергерским
В испарине страха лихач!

Свернет на Тверскую, к Страстному,
Трясаясь, матерясь и дрожа,
И это положат в основу
Рассказа о днях мятежа.

...А ты до беспамятства рада,
У Иверской купишь цветы,
Сидельцев Охотного ряда
Поздравишь с победою ты.

Ты скажешь — пахнуло озоном,
Трудящимся дали права!
И город малиновым звоном
Ответит на эти слова.

О, Боже мой, Боже мой, Боже!
Кто выдумал эту игру?!
И снова погода, похоже,
Испортиться хочет к утру.

Предвестьем Всевышнего гнева,
Посыплется с неба крупа,

У церкви Бориса и Глеба
Сойдется в молчаньи толпа.

И тут ты заплачешь. И даже
Пригнешься от боли тупой.
А кто-то, нахальный и ражий,
Взмахнет картузом над толпой!

Нахальный, воинственный, ражий
Пойдет баламутить народ!..
Повозки с кровавой поклажей
Скрипят у Никитских ворот...

Так вот она, ваша победа!
«Заря долгожданного дня!»
«Кого там везут?» —

«Грибоеда».

Кого отпевают? —

Меня!

КОЛЫБЕЛЬНЫЙ ВАЛЬС

Баю-баю-баю-бай!
Ходи в петлю, ходи в рай,
Баю-баюшки-баю!
Хорошо ль тебе в раю?
Улетая — улетай!
Баю-баю-баю-бай!
Баю-бай!

Но в рай мы не верим, нехристи,
Незрячим — к чему приметы?!
А утром пропавших без вести
Выводят на берег Леты.

Сидят пропавшие, греются,
Следят за речным приливом.
А что им, счастливым, грезится?
Не грезится им, счастливым.

Баю-баю-баю-бай!
Забывая — забывай!
Баю-бай!

Идут им харчи казенные,
Завозят вино — погуливают,
Сидят палачи и казенные,
Поплевывают, покуривают.

Придавят бычок подошвою,
И в лени от ветра вольного
Пропавшее наше прошлое
Спит под присмотром конвойного.

Баю-баю-баю-бай!
Ходи в петлю, ходи в рай!
Гаркнет ворон на плетне —
Хорошо ль тебе в петле?
Помирая — помирай,
Баю-баю-баю-бай!
Баю-бай!

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ДУШ

Не хочу посмертных антраша,
Никаких красотостей не выберу.
Пусть моя нетленная душа
Подлецу достанется и шиберу!

Пусть он, сволочь, врет и предает,
Пусть он ходит, ворон, в перьях сокола.
Все на свете пули — в недолет,
Все невзгоды — не к нему, а около!

Хорошо ему у пирога,
Все полно приязни и приятельства —
И номенклатурные благá,
И номенклатурные предательства!

С каждым днем любезнее житье...
Но в минуту самую внезапную
Пусть ему — отчаянье мое
Сдавит сучье горло черной лапою!

НЕОКОНЧЕННАЯ ПЕСНЯ

Старики управляют миром,
Суетятся, как злые мыши,
Им по справке, выданной МИДом,
От семидесяти и выше.

Откружили в боях и в вальсах,
Отмолили годам продленье
И в сведенных подагрой пальцах
Держат крепко бразды правленья.

По утрам их терзает кашель,
И поводят глазами шало
Над тарелками с манной кашей
Президенты Земного Шара!

Старики управляют миром,
Где обличья подобны маскам,
Пахнут вёсны — яичным мылом,
Пахнут зимы — камфарным маслом.

В этом мире — ни слов, ни сути,
В этом мире — ни слез, ни крови!
А уж наши с тобою судьбы
Не играют и вовсе роли!

Им важнее, где рваться минам,
Им важнее, где быть границам...
Старики управляют миром,
Только им по ночам не спится.

А девчонка гуляет с милым,
А в лесу раскричалась птица!
Старики управляют миром,
Только им по ночам не спится.

А в саду набухает завязь,
А мальчишки трубят «по коням!»
И острее, чем совесть, — зависть
Старикам не дает покоя!

Грозный счет покоренным милям
Отчеркнет пожелтевший ноготь.
Старики управляют миром,
А вот сладить со сном — не могут!

НОЧНОЙ ДОЗОР

Когда в городе гаснут праздники,
Когда грешники спят и праведники,
Государственные запасники
Покидают тихонько памятники.
Сотни тысяч (и все — похожие)
Вдоль по лунной идут дорожке,
И случайные прохожие
Кувыркаются в «неотложки».
    И бьют барабаны!..
    Бьют барабаны,
    Бьют, бьют, бьют!

На часах замирает маятник,
Стрелки рвутся бежать обратно:
Одинокий шагает памятник,
Повторенный тысячекратно.
То он в бронзе, а то он в мраморе,
То он с трубкой, а то без трубки,
И за ним, как барашки на море,
Чешут гипсовые обрубки.
    И бьют барабаны!..
    Бьют барабаны,
    Бьют, бьют, бьют!

Я открою окно, я высунусь,
Дрожь пронзит, будто сто по Цельсию!
Вижу: бронзовый генералиссимус
Шутовскую ведет процессию.
Он выходит на место лобное,
«Гений всех времен и народов!»

И как в старое время доброе
Принимает парад уродов!

И бьют барабаны!..

Бьют барабаны,

Бьют, бьют, бьют!

Прёт стеной мимо дома нашего
Хлам, забытый в углу уборщицей,
Вот сапог громыхает маршево,
Вот обломанный ус топорщится!
Им пока — скрипеть, да поругиваться,
Да следы оставлять линючие,
Но уверена даже пуговица,
Что согдится еще при случае.

И будут бить барабаны!..

Бить барабаны,

Бить, бить, бить!

Утро родины нашей розово,
Позывные летят, попискивая,
Восвояси уходит бронзовый,
Но лежат, притаившись, гипсовые.
Пусть до времени покалечены,
Но и в прахе хранят обличие,
Им бы, гипсовым, человечины —
Они вновь обретут величие!

И будут бить барабаны!..

Бить барабаны,

Бить, бить, бить!

Я ВЫБИРАЮ СВОБОДУ

Сердце мое заштопано,
В серой пыли виски,
Но я выбираю Свободу,
И — свистите во все свистки!

И лопаются терпенье,
И тысячи три рубак
Вострят, словно финки, перья,
Спускают с цепи собак.

Брест и Унгены заперты,
Дозоры и там, и тут,
И все меня ждут на Западе,
Но только напрасно ждут!

Я выбираю Свободу, —
Но не из боя, а в бой,
Я выбираю свободу
Быть просто самим собой.

И это моя Свобода,
Нужны ли слова ясней?!
И это моя забота —
Как мне поладить с ней.

Но слаще, чем ваши байки,
Мне гордость моей беды,
Свобода казенной пайки,
Свобода глотка воды.

Я выбираю Свободу,
Я пью с нею нынче на «ты».

Я выбираю свободу
Норильска и Воркуты.

Где вновь огородной тляпкой
Над всходами пляшет кнут,
Где пулею или тряпкой
Однажды мне рот заткнут.

Но славно звенит дорога,
И каждый приют, как храм.
А пуля весит немного —
Не больше, чем восемь грамм.

Я выбираю Свободу, —
Пускай груба и ряба,
А вы, валяйте, по капле
«Выдавливайте раба»!

По капле и есть по капле —
Пользительно и хитро,
По капле — это на Кáпри,
А нам — подставляй ведро!

А нам — подавай корыто,
И встанем во всей красе!
Не тайно, не шито-крыто,
А чтоб любовались все!

Я выбираю Свободу,
И знайте, не я один!
И мне говорит «свобода»:
«Ну, что ж, говорит, одевайтесь
И пройдемте-ка, гражданин».

ПЕСНЯ ИСХОДА

Галиньке и Виктору — мой прощальный,
подарок.

«...но Идущий за мною сильнее меня...»

от Матфея

Уезжаете?! Уезжайте —
За таможни и облака.
От прощальных рукопожатий
Похудела моя рука!

Я не плакальщик и не стража,
И в литавры не стану бить.
Уезжаете?! Воля ваша!
Значит — так по сему и быть!

И плевать, что на сердце кисло,
Что прощанье, как в горле ком...
Больше нету ни сил, ни смысла
Ставить ставку на этот кон!

Разыграешься только-только,
А уже из колоды — прыг! —
Не семерка, не туз, не тройка,
Окаянная дама пик!

И от этих усатых шатий,
От анкет и ночных тревог —
Уезжаете?! Уезжайте,
Улетайте — и дай вам Бог!

Улетайте к неверной правде
От взаправдашних мерзлых зон.
Только мертвых своих оставьте,
Не тревожьте их мертвый сон.

Там — в Понарах и в Бабьем Яре, —
Где поныне и следа нет,
Лишь пронзительный запах гари
Будет жить еще сотни лет!

В Казахстане и в Магадане,
Среди снега и ковыля...
Разве есть земля богоданней,
Чем безбожная та земля?!

И под мраморным обелиском
На распутице площадей,
Где, крещеных единым списком,
Превратила их смерть в людей!

А над ними шумят березы —
У деревьев свое родство!
А над ними звенят морозы
На Крещенье и Рождество!

...Я стою на пороге года —
Ваш сородич и ваш изгой,
Ваш последний певец исхода,
Но за мною придет Другой!

На глаза нахлобучив шляпу,
Дерзкой рыбой, пробившей лед,

Он пойдет, не спеша, по трапу
В отлетающий самолет!

Я стою... Велика ли странность?!
Я привычно машу рукой!
Уезжайте! А я останусь.
Я на этой земле останусь.
Кто-то ж должен, презрев усталость,
Наших мертвых стеречь покой!

20 декабря 1971 г.

ПЕСЕНКА-МОЛИТВА,
которую надо прочесть перед самым отлетом

Галинке

Когда — под крылом — добежит земля
К взлетному рубежу,
Зажмурь глаза и представь, что я
Рядом с тобой сижу.

Пилот на табло зажег огоньки,
Искусственную зарю,
А я касаюсь твоей руки
И шёпотом говорю:

— Помолимся вместе, чтоб этот путь
Стал Божьей твоей судьбой.
Помолимся тихо, чтоб где-нибудь
Нам свидеться вновь с тобой!

Я твердо верю, что будет так, —
Всей силой моей любви!
Твой каждый вздох и твой каждый шаг,
Господи, благослови!

И слухам о смерти моей не верь —
Ее не допустит Бог!
Еще, ты, я знаю, откроешь дверь
Однажды — на мой звонок!

Еще очистительная гроза
Подарит нам правды свет!

Да будет так!
И открой глаза:
Моя — на ладони твоей — слеза,
Но нет меня рядом, нет!

Москва, 9 января 1972 г.

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Посвящается В. Беньям

Вот пришли и ко мне седины,
Распеваётся воронье!
«Не судите, да не судимы...» —
Заклинает меня вранье.

Ах, забвенья глоток студеный,
Ты охотно напомнишь мне,
Как роскошный герой — Буденный —
На роскошном скакал коне.

Так давайте ж, друзья, устроим
Наших сил золотой запас,
«Нас не трогай, и мы не тронем...» —
Это пели мы! И не раз!..

«Не судите!»
Смирней, чем Авель,
Падай в ноги за хлеб и кров...
Ну, писал там какой-то Бабель,
И не стало его — делов!

«Не судите!»
И нет мерила,
Все дозволено, кроме слов...
Ну, какая-то там Марина
Захлебнулась в петле — делов!

«Не судите!»
Малюйте зори,

Забивайте своих козлов...

Ну, какой-то там «чайник» в зоне
Все о Федре кричал — делов!

— Я не увижу знаменитой Федры
В старинном, многоярусном театре...

...Он не увидит знаменитой Федры
В старинном, многоярусном театре! —

Пребывая в туманной черноти,
Обращаюсь с мольбой к историку —
От великой своей учености
Удели мне хотя бы толику!

Я ж пути не ищу раскольного,
Я готов шагать по законному!
Успокой меня, беспокойного,
Растолкуй ты мне, бестолковому!
А историк мне отвечает:
«Я другой такой страны не знаю...»

Будьте ж счастливы, голосуйте,
Маршируйте к плечу плечом,
Те, кто выбраны, те и судьи,
Посторонним вход воспрещен!

Ах, как быстро, несусветимы
Дни пошли нам виски сидеть...
«Не судите, да не судимы...»
Так, вот, значит, и не судить?!

Так, вот, значит, и спать спокойно,
Опускать пятаки в метро?!
А судить и рядить — на кой нам?!
«Нас не трогай, и мы не тро...»

Нет! Презренна по самой сути
Эта формула бытия!
Те, кто выбраны, те и судьи?!
Я не выбран. Но я — судья!

ПЕСНЯ О НОЧНОМ ПОЛЁТЕ

Ах, как трудно улетают люди,
Вот идут по трапу на ветру,
Вспоминая ангельские лютни
И тому подобную муру!
Улетают, как уходят в нети,
Исчезают угольком в золе,
До чего всё трудно людям в небе,
До чего всё мило на земле!

Пристегните ремни, пристегните ремни!
Ну, давай, посошок на дорожку налей!
Тут уж ясное дело, темни не темни,
А на поезде ездить людям веселей...
Пристегните ремни, пристегните ремни!
Не курить! Пристегните ремни!

И такой, на землю непохожий
Синий мир за взлётной крутизной...
Пахнет небо хлоркою и кожей,
А не теплой горестью земной!
И вино в пластмассовой посуде
Не сулит ни хмеля, ни чудес,
Улетают, улетают люди
В злую даль, за тридевять небес!

Пристегните ремни, пристегните ремни,
Помоги, дорогой, чемоданчик поднять...
И какие-то вдруг побежали огни,
И уже ничего невозможно понять,
Пристегните ремни, пристегните ремни,
Не курить! Пристегните ремни!

Люди спят, измученные смутой,
Снятся людям их земные сны
Перед тою роковой минутой
Вечной и последней тишины!
А потом, отдав себя крушенью,
Камнем вниз, не слушаясь руля!
И земля ломает людям шею,
Их благословенная земля.

Пристегните ремни! Пристегните ремни!
Мы взлетели уже? Я не понял. А вы?
А в окно еще виден кусочек земли,
И немножко бетона, немножко травы...
Отстегните ремни! Отстегните ремни!
Навсегда отстегните ремни!

СПРАШИВАЙТЕ, МАЛЬЧИКИ!

Спрашивает мальчик — почему?
Спрашивает мальчик — почему?
Двести раз и триста — почему?
Тучка набегает на чело,
А папаша режет ветчину,
А папаша режет ветчину,
Он сопит и режет ветчину
И не отвечает ничего.

Снова замаячили быль, боль,
Снова рвутся мальчики в пыль, в бой!
Вы их не пугайте, не отваживайте,
Спрашивайте, мальчики, спрашивайте,
Спрашивайте, мальчики, спрашивайте,
Спрашивайте, спрашивайте!

Спрашивайте, как и почему?
Спрашивайте, как и почему?
Как, и отчего, и почему?
Спрашивайте, мальчики, отцов!
Сколько бы ни резать ветчину,
Сколько бы ни резать ветчину —
Надо ж отвечать в конце концов!

Но в зрачке-хрусталике — вдруг муть,
А старые сандалики, ух, жмут!
Ну, и не жалейте их, снашивайте!
Спрашивайте, мальчики, спрашивайте!
Спрашивайте!!!

ОШИБКА

Мы похоронены где-то под Нарвой,
Под Нарвой, под Нарвой,
Мы похоронены где-то под Нарвой,
Мы были — и нет.

Так и лежим, как шагали, попарно,
Попарно, попарно,
Так и лежим, как шагали, попарно,
И общий привет!

И не тревожит ни враг, ни побудка,
Побудка, побудка,
И не тревожит ни враг, ни побудка
Померзших ребят.
Только однажды мы слышим, как будто,
Как будто, как будто,
Только однажды мы слышим, как будто,
Вновь трубы трубят.

Что ж, подымайтесь, такие-сякие,
Такие-сякие,
Что ж, подымайтесь, такие-сякие,
Ведь кровь — не вода!
Если зовет своих мертвых Россия,
Россия, Россия,
Если зовет своих мертвых Россия,
Так значит — беда!

Вот мы и встали в крестах да в нашивках,
В нашивках, нашивках,
Вот мы и встали в крестах да в нашивках,

В снежном дыму.
Смотрим и видим, что вышла ошибка,
Ошибка, ошибка,
Смотрим и видим, что вышла ошибка,
И мы — ни к чему!

Где полегла в сорок третьем пехота,
Пехота, пехота,
Где полегла в сорок третьем пехота,
Без толку, зазря,
Там по пороше гуляет охота,
Охота, охота,
Там по пороше гуляет охота,
Трубят егеря!

Там по пороше гуляет охота,
Трубят егеря...

ПОЕЗД

Памяти С. М. Михоэlsa

Ни гневом, ни порицаньем
Давно уж мы не бряцаем:
Здороваемся с подлецами,
Раскланиваемся с полицаем.

Не рвемся ни в бой, ни в поиск —
Все праведно, все душевно.
Но помни — отходит поезд!
Ты слышишь? Уходит поезд
Сегодня и ежедневно.

А мы балагурим, а мы куролесим,
Нам недругов лесть, как вода из колодца!
А где-то по рельсам, по рельсам, по рельсам —
Колеса, колеса, колеса, колеса...

Такой у нас нрав спокойный,
Что без никаких стараний
Нам кажется путь окольный
Кратчайшим из расстояний.

Оплачен страховки полис,
Готовит обед царевна...
Но помни — отходит поезд,
Ты слышишь?! Уходит поезд
Сегодня и ежедневно.

Мы пол отцыкляем, мы шторы повесим,
Чтоб нашему раю — ни краю, ни сноса.
А где-то по рельсам, по рельсам, по рельсам —
Колеса, колеса, колеса, колеса...

От скорости века в сонности
Живем мы, в живых не значась...
Непротивление совести —
Удобнейшее из чудачеств!

И только порой под сердцем
Кольнет тоскливо и гневно —
Уходит наш поезд в Освенцим,
Наш поезд уходит в Освенцим
Сегодня и ежедневно!

А как наши судьбы — как будто похожи —
И на гору вместе, и вместе с откоса!
Но вечно — по рельсам, по сердцу, по коже —
Колеса, колеса, колеса, колеса!

УХОДЯТ ДРУЗЬЯ

Памяти Фриды Вигдоровой

*На последней странице газет печатаются
объявления о смерти, а на первых — статьи,
сообщения и покаянные письма.*

Уходят, уходят, уходят друзья,
Одни — в никуда, а другие — в князья...
В осенние дни и в весенние дни,
Как будто в году воскресенья одни,
Уходят, уходят, уходят,
Уходят мои друзья!

Не спешите сообщить по секрету:
Я не верю вам, не верю, не верю!
Но приносят на рассвете газету,
И газета подтверждает потерю.

Знать бы загодя, кого сторониться,
А кому была улыбка — причастьем!
Есть уходят — на последней странице,
Но которые на первых — те чаще...

Уходят, уходят, уходят друзья,
Каюк одному, а другому — стезя.
Такой по столетию ветер гудит.
Что косит своих, и чужих не щадит,
Уходят, уходят, уходят,
Уходят мои друзья!

Мы мечтали о морях-океанах,
Собирались напрямиком на Гавайи!
И, как спятивший трубач, спозаранок,
Уцелевших я друзей созываю.

Я на ощупь, и на вкус, и по весу,
Учиняю им поверку, но вскоре
Вновь приносят мне газету-повестку
К отбыванию повинности горя.

Уходят, уходят, уходят друзья!
Уходят, как в ночь эскадрон на рысях,
Им право — не право, им совесть — пустяк,
Одни наплюют, а другие простят!
Уходят, уходят, уходят,
Уходят мои друзья!

И когда потеря громом крушенья
Оглушила, полоснула по сердцу,
Не спешите сообщить в утешенье,
Что немало есть потерь по соседству.

Не дарите мне беду, словно сдачу,
Словно сдачу, словно гривенник стертый!
Я ведь все равно по мертвым не плачу —
Я ж не знаю, кто живой, а кто мертвый.

Уходят, уходят, уходят друзья —
Одни — в никуда, а другие — в князья...
В осенние дни и в весенние дни,
Как будто в году воскресенья одни,
Уходят, уходят, уходят,
Уходят мои друзья...

ЗАСЫПАЯ И ПРОСЫПАЯСЬ

Все снежком январским припорошено,
Стали ночи длинные лютей...

Только потому, что так положено,
Я прошу прощенья у людей.

Воробьи попрятались в скворешники,
Улетели за море скворцы...
Грешного меня — простите, грешники,
Подлого — простите, подлецы!

Вот горит звезда моя субботняя,
Равнодушна к лести и хуле...
Я надену чистое исподнее,
Семь свечей расставлю на столе.

Расшумятся к ночи дурни-лабухи:
Ветра и поземки чертовня...
Я усну, и мне приснятся запахи
Мокрой шерсти, снега и огня.

А потом из прошлого бездонного
Выплывет озябший голосок —
Это мне Арина Родионовна
Скажет: «Нит гедайге*, спи, сынок,

Сгнило в вошебойке платье узника,
Всем печалям подведен итог,
А над Бабьим Яром — смех и музыка...
Так что, все в порядке, спи, сынок.

---

* «нит гедайге» — не расстраивайся, не огорчайся

Спи, но в кулаке зажми оружие —
Ветхую Давидову пращу!»
...Люди мне простят от равнодушия,
Я им — равнодушным — не прощу!

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Ой, не шейте вы, евреи, ливреи,
Не ходить вам в камергерах, евреи!
Не горюйте вы, зазря не стенайте,
Не сидеть вам ни в Синоде, ни в Сенате.

А сидеть вам в Соловках да в Бутырках,
И ходить вам без шнурков на ботинках,
И не делать по субботам «лехаим»,
А таскаться на допрос с вертухаем.

Если ж будешь торговать ты елеем,
Если станешь ты полезным евреем,
Называться разрешат Россинантом
И украсят лапсердак аксельбантом.

Но и ставши в ремесле этом первым,
Все равно тебе не быть камергером,
И не выйти на елее в Орфеи...
Так не шейте ж вы ливреи, евреи!*

---

* Вариант: вместо двух последних четверостиший —

Это правда, это правда, это правда,
Это было, и боюсь, что будет завтра.
Может, завтра, может, даже скорее...
Ой, так не шейте ж вы ливреи, евреи!

ПЕСНЯ ПРО ОСТРОВА

Говорят, что есть на свете острова,
Где растет на берегу забудь-трава,
Забудь о гордости, забудь про горести,
Забудь о подлости! Забудь про хворости!
Вот какие есть на свете острова!

Говорят, что где-то есть острова,
Где с похмелья не болит голова,
А сколько есть вина, пей все без просыпу,
А после по морю ходи, как по-суху!
Вот какие есть на свете острова!

Говорят, что где-то есть острова,
Где четыре не всегда дважды два,
Считай хоть дослепу — одна испарина,
Лишь то, что по сердцу, лишь то и правильно.
Вот какие есть на свете острова!

Говорят, что где-то есть острова,
Где неправда не бывает права!
Где совесть — надобность, а не солдатчина,
Где правда нажита, а не назначена!
Вот какие я придумал острова!

ВИНОВНИКИ НАЙДЕНЫ

*«Может быть, десяток неизвестных рифм
Только и остался, что в Венесуэле...»*

В. Маяковский

Установлены сроки и цены
    (По морям, по волнам)
И в далекий путь между рифмами
    (По морям, по волнам)...
Установлены сроки и цены
И в далекий путь между рифмами
Повезли нам из Венесуэлы
Два контейнера с новыми рифмами,
    По морям, по волнам, по морям, по волнам
    По морям, по волнам!

Так, с пшеницей и ананасами
    (По морям, по волнам)
Плыли рубленые и дольные
    (По морям, по волнам)...
Так, с пшеницей и ананасами
Плыли рубленые и дольные,
Современные, ассонансные, —
Не какие-нибудь глагольные!
    По морям, по волнам, по морям, по волнам,
    По морям, по волнам...

Не снимает радист наушники
    (По морям, по волнам),
А корабль подплывает к пристани
    (По морям, по волнам)...

Не снимает радист наушники,
А корабль подплывает к пристани,
Но биндюжники — есть биндюжники! —
Два бочонка с рифмами свистнули.
    По морям, по волнам, по морям, по волнам,
    По морям, по волнам...

Хоть всю землю шагами выстели
    (По морям, по волнам),
Хоть расспрашивай всех и каждого
    (По морям, по волнам)...
Хоть всю землю шагами выстели,
Хоть расспрашивай всех и каждого,
С чем рифмуется слово **ИСТИНА** —
Не узнать ни поэтам, ни гражданам!
    По морям, по волнам, по морям, по волнам,
    По морям, по волнам...

ПЕСНЯ О ПРЕКРАСНОЙ ДАМЕ

(Женский вальс)

Как мне странно, что ты жена,
Как мне странно, что ты жива!
А я-то думал, что просто
Ты мной воображена...

Не считайте себя виноватыми,
Не ищите себе наказанья,
Не смотрите на нас вороватыми,
Перепуганными глазами,
Будто призваны вы, будто позваны,
Нашу му́ку терпеньем мелете...
Ничего, что родились поздно вы, —
Вы все знаете, все умеете!

Как мне странно, что ты жена,
Как мне странно, что ты жива!
А я-то думал, что просто
Ты мной воображена...

Никаких вы не знали фортелей,
Вы не плыли бутырскими окнами,
У проклятых ворот в Лефортове
Вы не зябли ночами мокрыми.
Но ветрами подует грозными —
Босиком вы беду измерите!
Ничего, что родились поздно вы, —
Вы все знаете, все умеете!

Как мне странно, что ты жена,
Как мне странно, что ты жива!
А я-то думал, что просто
Ты мной воображена...

Не дарило нас время сладостью,
Раздавало горстями горькость,
Но великою вашей слабостью
Вы не жизнь нам спасли, а гордость!
Вам сторицей не будет воздано,
И пройдем мы по веку розно,
Ничего, что родились поздно вы, —
Воевать никогда не поздно!

Как мне страшно, что ты жена!
Как мне страшно, что ты жива!
В Ярославле, на пересылке,
Ты была воображена...

Я в путь собирался всегда налегке,
Без долгих прощальных торжеств,
И маршальский жезл не таскал в рюкзаке.
На кой он мне, маршальский жезл!

Я был рядовым и умру рядовым.
Всей щедрой земли рядовой,
Что светом дарила меня даровым,
Поила водой даровой.

До старости лет молоко на губах,
До тьмы гробовой — рядовой.
А маршалы пусть обсуждают в штабах
Военный бюджет годовой.

Пускай заседают за круглым столом
Вселенской охоты псари,
А мудрость их вся заключается в том,
Что два — это меньше, чем три.

Я сам не люблю старичков-ворчунов
И всё-таки — истово рад,
Что я не изведаль бесчестья чинов
И низости барских наград.

Земля под ногами и посох в руке
Торжественней всяких божеств,
А маршальский жезл у меня в рюкзаке —
Свирель, а не маршальский жезл.

9 марта 1972 года

СТАРЫЙ ПРИНЦ

Карусель городов и гостиниц,
Запах грима и пыль париков...
Я кружу, как подбитый эсминец,
Далеко от родных берегов.

Чья-то мина сработала чисто,
И, должно быть, впервые всерьёз
В деревенеющих пальцах радиста
Дребезжит безнадежное «SOS».

Видно, старость — жестокий гостинец,
Не повесишь на гвоздь, как пальто.
Я тону, пораженный эсминец,
Но об этом не знает никто!

Где-то слушают чьи-то приказы,
И на стенах анонсов мазня,
И стоят терпеливо у кассы
Те, кто всё ещё верят в меня.

Сколько было дорог и отелей,
И постелей, и мерзких простынь,
Скольких я разномастных Офелий
Навсегда отослал в монастырь!

Вот — придворные пятятся задом,
Сыпят пудру с фальшивых седин.
Вот — уходят статисты, и с залом
Остаюсь я один на один.

Я один! И пустые подмостки.
Мне судьбу этой драмы решать...
И уже на галёрке подростки
Забывают на время дышать.

Цепenea от старческой астмы,
Я стою в перекрестье огня.
Захудалые, вялые астры
Ждут в актёрской уборной меня.

Много было их, нежных и сирых,
Знавших славу мою и позор.
Я стою и собраться не в силах,
И не слышу, что шепчет суфлёр.

Но в насмешку над немощным телом
Вдруг по коже волненья озноб.
Снова слово становится делом
И грозит потрясеньем основ.

И уже не по тексту Шекспира
(Я и помнить его не хочу), —
Гражданин полоумного мира,
Я одними губами кричу:

— РАСПАЛАСЬ
СВЯЗЬ ВРЕМЁН...

И морозец, морозец по коже,
И дрожит занесённый кулак,
И шипят возмущенные ложи:
— Он наврал, у Шекспира не так!

Но галёрка простит оговорки,
Сопричастна греху моему...
А в эсминце трещат переборки,
И волна накрывает корму.

Когда-нибудь дошлый историк
Возьмёт и напишет про нас,
И будет насмешливо горек
Его неспешный рассказ.

Напишет он с чувством и толком,
Ошибки учтёт наперёд,
И всё он расставит по полкам,
И всех по костям разберёт.

И вылезет сразу в серёдку
Та главная, наглая кость,
Как будто окурок в селёдку
Засунет упившийся гость.

Чего уж, казалось бы, проще
Отбросить её и забыть?
Но в горле застрявшие мощи
Забвенья вином не запить.

А далее кости поплоче
Пойдут по сравнению с той, —
Поплоше, но странно похожи
Бесстыдной своей наготой.

ОБЛАКА ПЛЫВУТ
В АБАКАН

ОБЛАКА

Облака плывут, облака,
Не спеша плывут, как в кино.
А я цыпленка ем табакá,
Я коньячку принял полкило.

Облака плывут в Абакан,
Не спеша плывут облака.
Им тепло, небось, облакам,
А я продрог насквозь, на века!

Я подковой вмерз в санный след,
В лед, что я кайлом ковырял!
Ведь недаром я двадцать лет
Протрубил по тем лагерям.

До сих пор в глазах снега наст!
До сих пор в ушах шмона гам!..
Эй, подайте ж мне ананас
И коньячку еще двести грамм!

Облака плывут, облака,
В милый край плывут, в Колыму,
И не нужен им адвокат,
Им амнистия — ни к чему.

Я и сам живу — первый сорт!
Двадцать лет, как день, разменяв!
Я в пивной сижу, словно лорд,
И даже зубы есть у меня!

Облака плывут на восход,
Им ни пенсии, ни хлопот...
А мне четвертого — перевод,
И двадцать третьего — перевод.

И по этим дням, как и я,
Полстраны сидит в кабаках!
И нашей памятью в те края
Облака плывут, облака...

И нашей памятью в те края
Облака плывут, облака...

ПЕСНЯ О СИНЕЙ ПТИЦЕ

Был я глупый тогда и сильный,
Все мечтал я о птице синей,
А нашел ее синий след —
Заработал пятнадцать лет:
Было время — за синий цвет
Получали пятнадцать лет!

Не солдатами — номерами,
Помирали мы, помирали.
От Караганды по Нарым —
Вся земля, как один нарыв!
Воркута, Инта, Магадан!
Кто вам жребий тот нагадал?!
То вас шмон трясет, а то цынга!
И чуть не треть ээка из ЦК.
Было время — за красный цвет
Добавляли по десять лет!

А когда пошли миром грозы —
Мужики — на фронт, бабы — в слезы!
В желтом мареве горизонт,
А нас из лагеря, да на фронт!
Севастополь, Курск, город Брест...
Нам слепил глаза желтый блеск.
А как желтый блеск стал белеть,
Стали глазоньки столбенеть!
Ох, сгубил ты нас, желтый цвет!
Мы на свет глядим, а света нет!

Покалечены наши жизни!
А, может, дело все в дальтонизме?!
Может, цвету цвет не чета,
А мы не смыслим в том ни черта?!
Так, подчаливай, друг, за столик,
Ты дальтоник, и я дальтоник...
Разберемся ж на склоне лет,
За какой мы погibli цвет!

ЛЕВЫЙ МАРШ

Левой, левой, левой,
Левою, шагом марш!

Нет, еще не кончены войны,
Голос чести еще невнятен,
И на свете, наверно, вольно
Дышат йоги, и то навряд ли!

Наши малые войны были
Ежедневными чудесами
В мутном облаке книжной пыли
Государственных предписаний.

Левой, левой, левой,
Левою, шагом марш!

Помнишь, сонные понятые
Стали к притолоке головой,
Как мечтающие о тыле
Рядовые с передовой?!

Помнишь, вспоротая перина,
В летней комнате — зимний снег?!
Молча шел, не держась за перила,
Обесчещенный человек.

Левой, левой, левой,
Левою, шагом марш!

И не пули, не штык, не камень, —
Нас терзала иная боль!
Мы бессрочными штрафниками
Начинали свой малый бой!

По детдомам, как по штрафбатам —
Что ни сделаем — все вина!
Под запрятанным шла штандартом
Необъявленная война.

Левой, левой, левой,
Левою, шагом марш!

Наши малые войны были
Рукопашными зла и чести,
В том проклятом военном быте,
О котором не скажешь в песне.

Сколько раз нам ломали ребра,
Этот — помер, а тот — ослеп,
Но дороже, чем ребра — вобла,
И соленый мякинный хлеб.

Левой, левой, левой,
Левою, шагом марш!

И не странно ли, братья серые,
Что по-волчьи мы, на лету,
Рвали горло — за милосердие,
Били морду — за доброту!

И ничто нам не мило, кроме
Поля боя при лунном свете!
Говорили — до первой крови,
Оказалось — до самой смерти...

Левой, левой, левой,
Левою, шагом марш!

ЧЕХАРДА С БУКВАМИ

В Петрограде, в Петербурге, в Ленинграде, на Неве,
В Колокольном переулке жили-были А, И, Б.
А служило, Б служило, И играло на трубе,
И играло на трубе, говорят, что так себе,
Но его любили очень и ценили А и Б.

Как-то в вечер беспокойный
Тяжко пенилась река,
И явились в Колокольный
Три сотрудника ЧК,
А забрали, Б забрали, И не тронули пока.

Через год домой к себе
Возвратились А и Б,
И по случаю такому
И играло на трубе.

Но прошел слухок окольный,
Что, мол, снова быть беде,
И явились в Колокольный
Трое из НКВД,
А забрали, Б забрали, И забрали и т. д.

Через десять лет зимой
А и Б пришли домой,
И домой вернулось тоже,
Все сказали: «Боже мой!»

Пару лет в покое шатком
Проживали А, И, Б,

Но явились трое в штатском
На машине КГБ —
А, И, Б они забрали, обозвали всех на «б».

А — пропало навсегда,
Б — пропало навсегда,
И — пропало навсегда,
Навсегда и без следа!

Вот, понимаете, какая у этих букв вышла в жизни
ерунда!

ВСЕ НЕ ВОВРЕМЯ

Посвящается В. Т. Шаламову

А ты стучи, стучи, а тебе Бог простит,
А начальнички тебе, Леха, срок скостят!
А за Окой сейчас, небось, коростель свистит,
А у нас на Тайшете ветра́ свистят.
А месяц май уже, все снега белы,
А вертухаевы на снегу следы,
А что полнормы, тьфу, это полбеды,
А что песню спел — полторы беды!

А над Окой летят гуси-лебеди,
А за Окой свистит коростель,
А тут по наледи курвы-нелюди
Двух зэка ведут на расстрел!

А первый зэка, он с Севастополя,
Он там, чёрт чудной, Херсонес копал,
Он копал, чумак, что ни попадя,
И на полный срок в лагерь попал.
И жену его, и сынка его,
И старуху-мать, чтоб молчала, блядь!
Чтобы знали все, что закаяно
Нашу родину сподниза копать!

А в Крыму теплынь, в море сельди,
И миндаль, небось, подоспел,
А тут по наледи курвы-нелюди
Двух зэка ведут на расстрел!

А второй зэка — это лично я,
Я без мамы жил, и без папы жил,
Моя б жизнь была преотличная,
Да я в шухере стукаря пришел!
А мне сперва вышкá, а я в раскаянье,
А уж в лагере — коршей в навал,
И на кой я пес при Лехе-Каине
Чумаку подпел «Интернационал»?!

А в караулке пьют с рафинадом чай,
И вертухай идет, весь сопрел.
Ему скучно, чай, и несподручно, чай,
Нас в обед вести на расстрел!

ПЕСНЯ О ПОСЛЕДНЕЙ ПРАВОТЕ

Ю. О. Домбровскому

Подстилала удача соломки,
Охранять обещала и впредь.
Только есть на земле Миссалонги,
Где достанется мне умереть!

Где, уже не пижон, и не барин,
Ошалев от дорог и карет,
Я от тысячи истин, как Байрон,
Вдруг поверю, что истины нет!

Будет серый и скверный денёчек,
Небо с морем сольются в одно.
И приятель мой, плут и доносчик,
Подольет мне отраву в вино!

Упадет на колени тетрадка,
И глаза мне затянет слюда,
Я скажу: «У меня лихорадка,
Для чего я приехал сюда?!»

И о том, что не в истине дело,
Я в последней пойму дурноте,
Я — мечтавший и ночью и денно
О несносной своей правоте!

БЕССМЕРТНЫЙ КУЗЬМИН

«Отечество нам Царское Село...»

А. Пушкин

«Эх, яблочко, куды котишься...»

Песня

Покатились всячины и разности,
Поднялось неладное со дна!
— Граждане, Отечество в опасности!
Граждане, Отечество в опасности!
Граждане, Гражданская война!

Был май без края и конца,
Жестокая весна!
И младший брат, сбежав с крыльца,
Сказал: «Моя вина!»

У Царскосельского дворца
Стояла тишина.
И старший брат, сбежав с крыльца,
Сказал: «Моя вина!»

И камнем в омут ледяной
Упали те слова.
На брата брат идет войной,
Но шелестит над их виной
Забвенья трын-трава!..

...А Кузьмин Кузьма Кузьмич выпил рюмку
«хлебного»,
А потом Кузьма Кузьмич закусил севрюжкой,

А потом Кузьма Кузьмич, взяв перо с бумагою,
Написал Кузьма Кузьмич буквами печатными,
Что, как истый патриот, верный сын Отечества,
Он обязан известить власти предержажшие...

А где вы шли, там дождь свинца,
И смерть, и дело дрянь!
...Летела с тополей пыльца
На бронзовую длань.

Там, в Царскосельской тишине,
У берега сонных вод...
И нет как нет конца войне,
И скоро мой черед!

...Было небо в голубиной ясности,
Но сердца от холода свело:
— Граждане, Отечество в опасности!
Граждане, Отечество в опасности!
Танки входят в Царское Село!

А чья вина? Ничья вина!
Не верь ничьей вине,
Когда по всей земле война,
И вся земля в огне!

Пришла война — моя вина,
И вот за ту вину
Меня песочит старшина,
Чтоб понимал войну.

Меня готовит старшина
В грядущие бои.
И сто смертей сулит война,
Моя война, моя вина,
И сто смертей мои!

...А Кузьмин Кузьма Кузьмич выпил стопку чистого
А потом Кузьма Кузьмич закусил огурчиком,
А потом Кузьма Кузьмич, взяв перо с бумагою,
Написал Кузьма Кузьмич буквами печатными,
Что, как истый патриот, верный сын Отечества,
Он обязан известить дорогие «органы»...

А где мы шли, там дождь свинца,
И смерть, и дело дрянь!
...Летела с тополей пыльца
На бронзовую длань,

У Царскосельского дворца,
У замутненных вод...
И нет как нет войне конца,
И скоро твой черед!

Снова, снова — громом среди праздности,
Комом в горле, пулею в стволе —
— Граждане, Отечество в опасности!
Граждане, Отечество в опасности!
Наши танки на чужой земле!

Вопят прохвосты-петухи,
Что виноватых нет,
Но за вранье и за грехи
Тебе держать ответ!

За каждый шаг и каждый сбой
Тебе держать ответ!
А если нет, так чёрт с тобой,
На нет и спроса нет!

Тогда опейся допьяна
Похлебкою вранья!
И пусть опять — моя вина,
Моя вина, моя война,
И смерть опять моя!

...А Кузьмин Кузьма Кузьмич хлопнул сто
«молдавского»,
А потом Кузьма Кузьмич закусил селедочкой,
А потом Кузьма Кузьмич, взяв перо с бумагою,
Написал Кузьма Кузьмич буквами печатными,
Что, как истый патриот, верный сын Отечества,
Он обязан известить всех, кому положено...

И не поймешь, кого казним,
Кому поем хвалу?!
Идет Кузьма Кузьмич Кузьмин
По Царскому Селу!

В прозрачный вечер у дворца —
Покой и тишина.
И с тополей летит пыльца
На шляпу Кузьмина...

ЗАКЛИНАНИЕ

Получил персональную пенсию,
Заглянул на часок в «Поплавок»,
Там ракушками пахнет и плесенью,
И в разводах мочи потолок,

И шашлык отрыгается свечкою,
И сулгуни воняет треской...
И сидеть ему лучше б над речкою,
Чем над этой пучиной морской.

Ой, ты море, море, море, море Черное,
Ты какое-то верчѐное-кручѐное!
Ты ведешь себя не по правилам,
То ты Каином, а то ты Авелем!

Помилуй мя, Господи, помилуй мя!

И по пляжу, где б под вечер по-двое,
Брел один он, задумчив и хмур.
Это Черное, вздорное, подлое
Позволяет себе чересчур!
Волны катятся, чѐртовы бестии,
Не желают режим понимать!
Если б не был он нынче на пенсии,
Показал бы им кузькину мать!

Ой, ты море, море, море, море Черное,
Не подследственное жаль, не заключенное!
На Инту б тебя свел за дело я,
Ты б из черного стало белое!

Помилуй мя, Господи, помилуй мя!

И в гостинице странную, страшную,
Намечтал он спросонья мечту —
Будто Черное море под стражею
По этапу пригнали в Инту.

И блаженной блаженного во-Христе,
Раскурив сигаретку «Маяк»,
Он глядит, как ребятушки-вохровцы
Загоняют стихию в барак.

Ой, ты море, море, море, море Черное,
Ты теперь мне по закону порученное!
А мы обучены этой химии —
Обращению со стихиями!

Помилуй мя, Господи, помилуй мя!

И лежал он с блаженной улыбкою,
Даже скулы улыбка свела...
Но, должно быть, последней уликою
Та улыбка для смерти была.

И не встал он ни утром, ни к вечеру,
Коридорный ходил за врачом,
Коридорная Божию свечечку
Над счастливым зажгла палачом...

И шумело море, море, море Черное,
Море вольное, никем не прирученное,
И вело себя не по правилам —
И было Каином, и было Авелем!

Помилуй мя, Господи, в последний раз!

ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ

*«...Что там услышишь из песен твоих?
Чудь начудила, да Меря намерила
Гатей, дорог, да столбов верстовых...»*

А. Блок

Непричастный к искусству,
Не допущенный в храм,
Я пою под закуску
И две тысячи грамм.
Что мне пениться пеной
У беды на краю?!
Вы налейте по первой,
А уж я вам спою!
А уж я позабавлю,
Вспомню Мерю и Чудь,
И стыда ни на каплю,
Мне не стыдно ничуть!
Спину вялую сгорбя,
Я ж не просто хулу,
А гражданские скорби
Сервирую к столу!

— Как живете, караси?
— Хорошо живем, мерси!

...Заходите, люди добрые,
(Боже правый, помоги!)
Будут песни, будут сдобные,
Будут с мясом пироги!
Сливы-ягоды соленые,

Выручайте во хмелю,
Вон у той — глаза зеленые,
Я зеленые люблю!
Я шарахну рюмку первую,
Про запас еще налью,
Песню новую, непетую
Для почина пропою:

«Справа койка у стены, слева койка,
Ходим вместе через день облучаться,
Вертухай и бывший 'номер такой-то',
Вот где снова довелось повстречаться!
Мы гуляем по больничному садику,
Я курю, а он стоит «на атасе»,
Заливаем врачу-волосатику,
Что здоровье — хоть с горки катайся!
Погуляем полчаса с вертухаем,
Притомимся и стоим, отдыхаем.
Точно так же мы 'гуляли' с ним в Вятке,
И здоровье было тоже в порядке!
Справа койка у стены, слева койка...»

Опоздавшие гости
Прерывают куплет,
Их вбивают, как гвозди,
Ибо мест уже нет,
Мы их лиц не запомним,
Мы как будто вдвоем,
Мы по-новой наполним
И в охотку допьем!
Ах, в «мундире» картошка —

Разлюбезная Русь!
И стыжусь я... немножко,
А верней, не стыжусь.
Мне, как гордое право,
Эта горькая роль,
Эта легкая слава
И привычная боль!

— Как жуετε, караси?
— Хорошо жуем, мерси!

Колокольчики-бубенчики,
Пьяной дурости хакеж!
Где истцы, а где ответчики —
Нынче сразу не поймешь.
Все подряд истцами кажутся,
Всех карал единый Бог,
Все одной зеленкой мажутса,
Кто от пуль, а кто от блох!
Ладно, пейте, рюмки чистые,
Помолчите только впредь,
Тише, черти голосистые,
Дайте ж, дьяволы, допеть:

«Справа койка у стены, слева койка,
А за окнами февральская вьюга,
Вертухай и бывший 'номер такой-то' —
Нам теперь невтоготу друг без друга.
И толкуем мы о разном и ясном,
О больнице и больничном начальстве,
Отдаем предпочтение язвам,

Помереть хотим в одночасье.
Мы на пенсии теперь, на покое,
Наши койки, как суда на приколе,
А под ними на паркете из липы
Наши тапочки, как дохлые рыбы.
Спит больница, тишина, все в порядке,
И сказал он, приподнявшись на локте:
'Жаль я, сука, не добил тебя в Вятке,
Больно ловки вы, зэка, больно ловки...'
И упал он, и забулькал, заойкал,
И не стало вертухая, не стало,
И поплыла вертухаева койка
В те моря, где ни конца, ни начала!
Я простынкой вертухая накрою...
Все снежок идет, снежок над Москвою,
И сынок мой по тому ль по снежочку
Провожает вертухаеву дочку...»

...Голос гложет, как в вате,
Только струны бренчат.
Все, приличия ради,
С полминуты молчат.
А потом, под огурчик
Пропустив стопаря, —
«Да уж, песня — в ажурчик,
Приглашали не зря!
Да уж, песенка в точку,
Не забыть бы стишок,
Как он эту вот — дочку
Волокет на снежок!..»
Незнакомые рожи
Мокнут в пьяной тоске...

И стыжусь я до дрожи,
И желвак на виске!..

— Как стучите, караси?
— Хорошо стучим, мерси!

...Все плывет и все качается,
Добрый вечер! Добрый день!
Вот какая получается,
Извините, дребедень!
«Получайник», получайница», —
Больно много карасей!
Вот какая получается,
Извините, карусель.

...Я сижу, гитарой тренькаю —
Хохот, грохот, гогот, звон...
И сосед-стукач за стенкою
Прячет в стол магнитофон...

ПЕСНЯ ПРО МАЙОРА ЧИСТОВА

Я спросонья вскочил — патлат,
Я проснулся, а сон за мной,
Мне приснилось, что я — атлант,
На плечах моих — шар земной!

И болит у меня спина,
То мороз по спине, то жар,
И с устатку пьяней пьяна,
Я роняю тот самый шар!

И ударившись об Ничто,
Покатился он, как звезда,
Через Млечное решето
В бесконечное Никуда!

И так странен был этот сон,
Что ни дочери, ни жене
Не сказал я о том, что он
Этой ночью приснился мне!

Я и сам отогнал ту боль,
Будто наглухо дверь забил,
И часам к десяти ноль-ноль
Я и вовсе тот сон забыл.

Но в двенадцать ноль-ноль часов
Простучал на одной ноге
На работу майор Чистов,
Что заведует буквой «Ге»!

И открыл он мое досье,
И на чистом листе, педант,
Написал он, что мне во сне
Нынче снилось, что я атлант!..

ПЛЯСОВАЯ

Чтоб не бредить палачам по ночам,
Ходят в гости палачи к палачам,
И радушно, не жалея харчей,
Угощают палачи палачей.

На столе у них икра, балычок,
Не какой-нибудь — «КВ»-коньячок,
А впоследствии — чаек, пастила,
Кекс «Гвардейский» и печенье «Салют»,
И сидят заплечных дел мастера
И тихонько, но душевно поют:
«О Сталине мудром, родном и любимом...»

Был порядок, — говорят палачи,
Был достаток, — говорят палачи,
Дело сделал, — говорят палачи, —
И пожалуйста — сполна получи.

Белый хлеб икрой намазан густо,
Слезы кипяточка горячей,
Палачам бывает тоже грустно,
Пожалейте, люди, палачей!

Очень плохо палачам по ночам,
Если снятся палачи палачам,
И как в жизни, но еще половчей,
Бьют по рылу палачи палачей.

Как когда-то, как в годах молодых —
И с оттяжкой, и ногою в поддых,
И от криков, и от слез палачей
Так и ходят этажи ходуном,
Созывают «неотложных» врачей
И с тоскою вспоминают о Нем,
«О Сталине мудром, родном и любимом...»

Мы на страже, — говорят палачи.
Но когда же? — говорят палачи.
Поскорей бы! — говорят палачи. —
Встань, Отец, и вразуми, поучи!

Дышит, дышит кислородом стража,
Крикнуть бы, но голос как ничей,
Палачам бывает тоже страшно,
Пожалейте, люди, палачей!

ЕЩЕ РАЗ О ЧЁРТЕ

Я считал слонов и в нечет и в чет,
И всё-таки я не уснул,
И тут явился ко мне мой чёрт,
И уселся верхом на стул.

И сказал мой чёрт: «Ну, как, старина,
Ну, как же мы порешим?
Подпишем союз, и айда в стремяна,
И еще чуток погрешим!

И ты можешь лгать, и можешь блудить,
И друзей предавать гуртом!
А то, что придется потом платить,
Так ведь это ж, пойми, — потом!

Но зато ты узнаешь, как сладок грех
Этой горькой порой седин.
И что счастье не в том, что один за всех,
А в том, что все — как один!

И ты поймешь, что нет над тобой суда,
Нет проклятия прошлых лет,
Когда вместе со всеми ты скажешь — да!
И вместе со всеми — нет!

И ты будешь волков на земле плодить,
И учить их вилять хвостом!
А то, что придется потом платить,
Так ведь это ж, пойми, — потом!

И что душа? — Прошлогодний снег!
А глядишь — пронесет и так!
В наш атомный век, в наш каменный век,
На совесть цена пятак!

И кому оно нужно, это 'добро',
Если всем дорога — в золу...
Так давай же, бери, старина, перо!
И вот здесь распишись, в углу».

Тут чёрт потрогал мизинцем бровь...
И придвинул ко мне флакон,
И я спросил его: «Это кровь?»
«Чернила», — ответил он...

Аллилуя, аллилуя!
«Чернила», — ответил он.

ФАНТАЗИИ НА РУССКИЕ ТЕМЫ
ДЛЯ БАЛАЛАЙКИ С ОРКЕСТРОМ И
ДВУХ СОЛИСТОВ — ТЕНОРА И БАРИТОНА

Тенор:

Королевич, да и только,
В сумке пиво и «сучок»,
Подрулила птица-тройка,
Сел стукач на облучок.
И — айда! И трали-вали,
Все белым-бело вокруг,
В леспромхозе, на канале
Ждет меня любезный друг —

Он не цыган, не татарин и не жид!
Он надежа мой, камаринский мужик,
Он утѣха на обиду мою,
Перед ним бутылъ с «рябиновою»!

Он сидит, винцо покушивает,
Не идет ли кто, послушивает,

То ли пеший, то ли конный,
То ли «Волги» воркотня,
И сидит мужик законный,
Смотрит в сумрак законный,
Пьет вино и ждет меня,
Ты жди, жди, жди, обожди,
не расстраивайся!

Баритон:

Значит, так... на Урале
В предрассветную темь,
Нас еще на вокзале
Оглушила метель,

И стояли пришельцы,
Барахлишко сгрузив,
Кулаки да лишенцы —
Самый первый призыв!

Значит, так... на Урале
Холода — не пустяк,
Города вымирали
Как один — под иссяк!

Нежно пальцы на горле,
Им сводила зима,
Но деревни не мёрли,
А сходили с ума!

Значит, так... на Урале
Ни к чему лекаря:
Всех не померших брали —
И в тайгу, в лагеря!

«Четвертак» на морозе,
Под охраной, во вшах!
А теперь в леспромхозе
Я и сам в сторожах.

Нету рая спасенным,
Хоть и мертвый, а стой,
Вот и шнырю по селам
За хурдою-мурдой,

Как ворье по закону —
Самозванный купец —
Где добуду икону,
Где резной поставец!

А московская наедет сволота —
Отворяю я им, сязкам, ворота —
Заезжайте, гости милые, пожалуйте...

Тенорок:

Славно гукает машина,
Путь-дорожка в два ряда,
Вьюга снегу накрошила,
Доберемся — не беда!
Мы своротим на проселок,
Просигналим тра-та-та!
Принимай гостей веселых,
Отворяй нам ворота.

Ты, любезный мой, надёжа из надёж!
Всю вселенную проедешь — не найдешь!
Самый подлинный, расподлинный,
Не носатый, не уродливый,

А что зубы подчистую — тю-тю,
Так, верно, спяну обломал об кутью!

Гость ворочает еле
Языком во хмелю,

И гогочет, как кочет,
Хоть святых выноси,
И беседовать хочет
О спасенье Руси.

Мне б с тобой не в беседу,
Мне б тебя на рога!
Мне бы зубы, да нету!
Знаешь слово «цынга»?

Вертухаево семя!
Не дразни — согрешу!
Ты заткнись про спасенье,
Спи, я лампу гашу!

А на утро я гостей разбужу,
Их, похмельных, провожу к гаражу...
Заезжайте, гости милые, наведывайтесь...

ПЕСНЯ-БАЛЛАДА ПРО ГЕНЕРАЛЬСКУЮ ДОЧЬ

*«Он был титулярный советник,
Она генеральская дочь...»*

Постелилась я, и в печь — уголек...
Накрошила огурцов и мясца,
А он явился, ноги вынул, и лег —
У мадам у его — мясца.

А он и рад тому, сучок, он и рад,
Скушал водочки, и в сон наповал!..
А там — в России — где-то есть Ленинград,
А в Ленинграде том — Обводный канал.

А там мамынька жила с папонькой,
Называли меня «лапонькой»,
Не считали меня лишнею,
Да им дали обоим высшую!

Ой, Караганда, ты, Караганда!
Ты угольком даешь на-горá года!
Дала двадцать лет, дала тридцать лет,
А что с чужим живу, так своего-то нет!
Кара-ган-да...

А он, сучок, из гулевых шоферов,
Он барыга, и калымщик, и жмот,
Он на торгвской дает, будь здоров, —
Где за рупь, а где какую прижмет!

Подвозил он меня раз в «Гастроном»,
Даже слова не сказал, как полез,
Я бы в крик, да на стекле ветровом
Он картиночку приклеил, подлец!

А на картиночке — площадь с садиком,
А перед ней камень с «Медным Всадником»,
А тридцать лет назад я с мамой в том саду...
Ой, не хочу про то, а то я выть пойду!

Ой, Караганда, ты, Караганда!
Ты мать и мачеха, для кого когда,
А для меня была так завсегда нежна,
Что я самой себе стала не нужна!
Кара-ган-да!

Он проснулся, закурил «Беломор»,
Взял пинжак, где у него кошелек,
И прошлепал босиком в коридор,
А вернулся — и обратно залег.

Он сопит, а я сижу у огня,
Режу мелко на водку лучок,
А ведь все-таки он жалеет меня,
Все-таки ходит, все-таки дышит, сучок!

А и спи, проспись ты, мое золотце,
А слезы — что ж, от слез — хлеб не солится,
А что мадам его крутит мордою,
Так мне плевать на то, я не гордая...

Ой, Караганда, ты Караганда!
Если тут горда, так и на кой годна!
Хлеб насущный наш, дай нам, Боже, днесь,
А что в России есть, так то не хуже здесь!
Кара-ган-да!

Что-то сон нейдет, был, да вышел весь,
А завтра делать дел — прорву адскую!
Завтра с базы нам сельдь должны завезть,
Говорили, что ленинградскую.

Я себе возьму и кой-кому раздам,
Надо ж к празднику подзаправиться!
А пяток сельдей я pošлю мадам,
Пусть покушает, позабавится!

Пусть покушает она, дура жалкая,
Пусть не думает она, что я жадная,
Это, знать, с лучка глазам колется,
Голова на низ чтой-то клонится...

Ой, Караганда, ты, Караганда!
Ты угольком даешь на-горá года,
А на картиночке — площадь с садиком,
А перед ней камéнь...
Ка-ра-ган-да!..

**«ЭРИКА» БЕРЕТ
ЧЕТЫРЕ КОПИИ**

ЛЕТЯТ УТКИ

Посвящается Л. Пинскому

С севера, с острова Жестева
Птицы летят,
Шестеро, шестеро, шестеро
Серых утят,
Шестеро, шестеро к югу летят...

Не пора ль, душа, урезониться,
Не тревожить зазря былого!
Но когда по ночам бессонница,
Мне на память приходит снова —

Мутный за тайгу
Ползет закат,
Строем на снегу
Пятьсот зэка,

Ветер мокрой хлестал мочалкою,
То накатывал, то откатывал,
И стоял вертухай с овчаркою
И такую им речь откалывал:

«Ворон, растудыть, не выклюет
Глаз, растудыть, вброну,
Но ежели кто закóсит, —
То мордой в снег,
И прошу, растудыть, запомнить,
Что каждый шаг в сторону
Будет, растудыть, рассматриваться
Как, растудыть, побег!..»

Вьюга полярная спятила —
Бьет наугад!
А пятеро, пятеро, пятеро
Дальше летят,
Пятеро, пятеро к югу летят...

Ну, а может, и впрямь бессовестно
Повторяться из слова в слово?!
Но когда по ночам бессонница,
Мне на память приходит снова —

Не косят, не корчатся
В снегах зэка,
Разговор про творчество
Идет в ЦК,

Репортеры сверкали линзами,
Кремом бритвенным пахла харя,
Говорил вертухай прилизанный,
Непохожий на вертухая:

«Ворон, извиняюсь, не выключет
Глаз, извиняюсь, ворону,
Но все ли сердцем усвоили
Чему учит нас Имярек?!

И прошу, извиняюсь, запомнить,
Что каждый шаг в сторону
Будет, извиняюсь, рассматриваться
Как, извиняюсь, побег!»

Грянул прицельно с надветренной
В сердце заряд,
А четверо, четверо, четверо
Дальше летят!..

И если долетит хоть один,
Если даже ни один не долетит, —
Все равно, все равно надо было лететь!

ГУСАРСКАЯ ПЕСНЯ

По рисунку палешанина
Кто-то выткал на ковре
Александра Полежаева
В черной бурке на коне.

Тезка мой и зависть тайная,
Сердце горем горячи!
Зависть тайная, «летальная» —
Как сказали бы врачи.

Славно, братцы, славно, братцы, славно, братцы-
егеря!

Славно, братцы-егеря, рать любимая царя!
Ах, кивера да ментики, ах, соколы-орлы,
Кому вы в сердце метили, ле-пажевы стволы?
Не мне ль вы в сердце метили, ле-пажевы стволы!

А беда явилась за полночь,
Но не пулею в висок,
Просто в путь, в ночную заволочь,
Важно тронулся возок.

И не спеть, не выпить водочки,
Не держать в руке бокал!
Едут трое, сам в середочке,
Два жандарма по бокам.

Славно, братцы, славно, братцы, славно, братцы-
егеря!

Славно, братцы-егеря, рать любимая царя!
Ах, кивера да ментики, пора бы выйти в знать,
Но этой арифметики поэтам не узнать,
Ни прошлым, и ни будущим поэтам не узнать.

Где ж друзья, твои ровесники?
Некому тебя спасти!
Началось все дело с песенки,
А потом — пошла писать!

И по мукам, как по лезвию...
Размышляй теперь о том,
То ли броситься в поэзию,
То ли сразу — в желтый дом...

Славно, братцы, славно, братцы, славно, братцы-егеря!

Славно, братцы-егеря, рать любимая царя!
Ах, кивера да ментики, возвышенная речь!
А все-таки наветики страшнее, чем картечь!
Доносы и наветики страшнее, чем картечь!

По рисунку палешанина
Кто-то выткал на ковре
Александра Полежаева
В черной бурке на коне.

Но оставь, художник, вымысел,
Нас в герои не крои,
Нам не знамя жребий вывесил,
Носовой платок в крови...

Славно, братцы, славно, братцы, славно, братцы-егеря!

Славно, братцы-егеря, рать любимая царя!
Ах, кивера да ментики, нерукотворный стяг!
И дело тут не в метрике, столетие — пустяк!
Столетие, столетие, столетие — пустяк...

ПАМЯТИ Б. Л. ПАСТЕРНАКА

«...правление Литературного Фонда СССР извещает о смерти писателя, члена Литфонда, Бориса Леонидовича Пастернака, последовавшей 30 мая сего года, на 71-ом году жизни, после тяжелой и продолжительной болезни, и выражает соболезнование семье покойного».

Единственное, появившееся в газетах, вернее, в одной — «Литературной газете», — сообщение о смерти Б. Л. Пастернака.

Разобрали венки на веники,
На полчасаика погрустнели...
Как гордимся мы, современники,
Что он умер в своей постели!

И терзали Шопена ла́бухи,
И торжественно шло прощанье...
Он не мылил петли в Елабуге,
И с ума не сходил в Сучане!

Даже киевские «письмѣнники»
На поминки его поспели!..
Как гордимся мы, современники,
Что он умер в своей постели!

И не то чтобы с чем-то за́-сорок,
Ровно семьдесят — возраст смертный,
И не просто какой-то пасынок,
Член Литфонда — усопший сметный!

Ах, осыпались лапы ёлочки,
Отзвенели его метели...
До чего ж мы гордимся, сволочи,
Что он умер в своей постели!

«Мело, мело, по всей земле, во все
пределы,
Свеча горела на столе, свеча горела...»

Нет, никакая не свеча,
Горела люстра!
Очки на морде палача
Сверкали шустро!

А зал зевал, а зал скучал —
Мели, Емеля!
Ведь не в тюрьму, и не в Сучан,
Не к «высшей мере»!

И не к терновому венцу
Колесованьем,
А как поленом по лицу,
Голосованьем!

И кто-то, спяну, вопрошал:
«За что? Кого там?»
И кто-то жрал, и кто-то ржал
Над анекдотом...

Мы не забудем этот смех,
И эту скуку!
Мы поименно вспомним всех,
Кто поднял руку!

«Гул затих. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку...»

Вот и смолкли клевета и споры,
Словно взят у вечности отгул...
А над гробом встали мародеры,
И несут почетный...

Ка-ра-ул!

СНОВА АВГУСТ

Посвящается памяти А. А. Ахматовой.

Анна Андреевна очень боялась и не любила месяц август и считала этот месяц для себя несчастливым, и имела к этому все основания, поскольку в августе был расстрелян Гумилев, на станции Бернгардтовка, в августе был арестован ее сын Лев, в августе вышло известное постановление о журналах «Звезда» и «Ленинград» и т. д.

«Кресты» — ленинградская тюрьма.
Пряжка — район в Ленинграде.

*«...а так как мне бумаги не хватило,
я на твоём пишу черновике...»*

Анна Ахматова «Поэма без героя»

В той злой тишине, в той неверной,
В тени разведенных мостов,
Ходила она по Шпалерной,
Моталась она у «Крестов».

Ей в тягость? Да нет, ей не в тягость —
Привычно, как росчерк пера,
Вот если бы только не август,
Не чёртова эта пора!

Таким же неверно-нелепым
Был давний тот август, когда
Над черным бернгардтовским небом
Стрельнула, как птица, беда.

И разве не в августе снова,
В еще не отмеренный год,
Осудят мычанием слово
И совесть отправят в расход?!

Но это потом, а пока
Которую ночь — над Невой,
Уже не надеясь на чудо,
А только бы знать, что живой!

И в сумерки вписана четко,
Как вписана в нашу судьбу,
По-царски небрежная чёлка,
Прилипшая к мокрому лбу.

О, шелест финских сосен,
Награда за труды,
Но вновь приходит осень —
Пора твоей беды!

И август, и как будто
Все то же, как тогда,
И врет мордастый Будда,
Что горе — не беда!

Но вьётся, вьётся чёлка
Колечками на лбу,
Уходит в ночь девчонка
Пытать твою судьбу.

По улице бессветной,
Под окрик патрулей,
Идет она бессмертной
Походкою твоей,

На праздник и на плаху
Идет она, как ты!
По Пряжке, через Прагу —
Искать свои «Кресты»!

И пусть судачат глупые соседи,
Пусть кто-то обругает не со зла,
Она домой вернется на рассвете
И никому ни слова — где была...

Но с мокрых пальцев облизнет чернила,
И скажет, примостившись в уголке:
«Прости, но мне бумаги не хватило,
Я на твоём пишу черновике...»

НА СОПКАХ МАНЧЖУРИИ

Памяти М. М. Зоженкс

В матершинном субботнем загуле шалманчика
Обезьянка спала на плече у шарманщика,
А когда просыпалась, глаза ее жуткие
Выражали почти человеческую отчаянность,
А шарманка дудела про сопки манчжурские,
И Тамарка-буфетчица очень печалилась...

Спит Гаолян,
Сопки покрыты мглой...

Были и у Томки трали-вали,
И не Томкой — Томочкою звали,
Целовалась с миленьким в осоке,
И не пивом пахло, а апрелем,
Может быть, и впрямь на той высоте
Сгинул он, порубан и пострелян...

Вот из-за туч блеснула луна,
Могилы хранят покой...

А последний шарманщик — обломок империи,
Все пылил перед Томкой павлиньими перьями,
Он выламывал, шкура, замашки буржуйские —
То, мол, теплое пиво, то мясо прохладное,
А шарманка дудела про сопки манчжурские,
И спала на плече обезьянка прокатная...

Тихо вокруг,
Ветер туман унес...

И делясь тоской, как барышами,
Подпевали шлюхи с алкашами,
А шарманщик ел, зараза, хаши,
Алкашам подмигивал прелестно —
Дескать, деньги ваши — будут наши,
Дескать, вам приятно — мне полезно!

На сопках Манчжурии воины спят,
И русских не слышно слез...

А часов этак в десять, а может, и ранее,
Непонятный чудака появился в шалмании,
Был похож он на вдруг постаревшего мальчика.
За рассказ, напечатанный неким журнальчиком,
Толстомордый подонок с глазами обманщика
Объявил чудака всенародно — обманщиком...

Пусть Гаолян
Нам навевает сны...

Сел чудака за стол и вжался в угол,
И легонько пальцами постукал,
И сказал, что отдохнет немного,
Помолчав, добавил напряженно, —
«Если есть 'боржом', то ради Бога,
Дайте мне бутылочку 'боржома'...»

Спите герои русской земли,
Отчизны родной сыны...

Обезьянка проснулась, тихонько зацокала,
Загляделась на гостя, присевшего около,

А Тамарка-буфетчица — сука рублевая,
Покачала смущенно прическою пегою,
И сказала: «Пардон, но у нас не столовая,
Только вы обождите, я за угол сбегаю...»

Спит Гаолян,
Сопки покрыты мглой...

А чудака глядел на обезьянку,
Пальцами выстукивал морзянку,
Словно бы он звал ее на помощь,
Удивляясь своему бездомью,
Словно бы он спрашивал — запомнишь? —
И она кивала — да, запомню. —

Вот из-за туч блеснула луна,
Могилы хранят покой...

Отодвинул шарманщик шарманку ботинкою,
Прибежала Тамарка с боржомной бутылкою —
И сама налила чудаку полстаканчика,
(Не знавали в шалмане подобные почести),
А Тамарка, в упор поглядев на шарманщика,
Приказала: «Играй, — человек в одиночестве». —

Тихо вокруг,
Ветер туман унес...

Замолчали шлюхи с алкашами,
Только мухи крыльями шуршали...
Стало почему-то очень тихо,
Наступила странная минута —

Непонятное, чужое лихо —
Стало общим лихом, почему-то!

На сопках Манчжурии воины спят,
И русских не слышно слез...

Не взрывалось молчанье ни матом, ни брехами,
Обезьянка сипела спаленными бронхами,
И шарманщик, забыв трепотню свою барскую,
Сам назначил себе — мол, играй, да
помалкивай, —
И почти что неслышно сказав, —
благодарствую, —
Наклонился чужак над рукою Тамаркиной...

Пусть Гаолян
Нам навевает сны...

И ушел чужак, не взявши сдачи,
Всем в шалмане пожелал удачи...
Вот какая странная эпоха —
Не горим в огне — и тонем в луже!
Обезьянке было очень плохо,
Человеку было много хуже!

Спите герои русской земли,
Отчизны родной сыны...

ЛЕГЕНДА О ТАБАКЕ

Посвящается памяти замечательного человека, Александра Ивановича Урвачева, придумавшего себе странный псевдоним — Даниил Хармс — писавшего прекрасные стихи и прозу, ходившего в автомобильной кепке и с неизменной трубкой в зубах, который действительно исчез, просто вышел на улицу и исчез. У него есть такая пророческая песенка:

«Из дома вышел человек
С веревкой и мешком
И в дальний путь, и в дальний путь,
Отправился пешком,
Он шел, и все глядел вперед,
И все вперед глядел,
Не спал, не пил,
Не спал, не пил,
Не спал, не пил, не ел,
И вот однажды, поутру,
Вошел он в темный лес,
И с той поры, и с той поры,
И с той поры исчез...»

Лил жуткий дождь,
Шел страшный снег,
Вовсю дурил двадцатый век,
Кричала кошка на трубе,
И выли сто собак.
И, встав с постели, человек

Увидел кошку на трубе,
Зевнул, и сам сказал себе —
Кончается табак!
Табак кончается — беда,
Пойду куплю табак,
И вот..., но это ерунда,
И было все не так.

Из дома вышел человек
С веревкой и мешком
И в дальний путь,
И в дальний путь
Отправился пешком...
И тут же, проглотив смешок,
Он сам себя спросил —
А для чего он взял мешок?
Ответьте, Даниил!
Вопрос резонный, нечем крыть,
Летит к чертям строка,
И надо, видно, докурить
Остаток табака...

Итак, однажды, человек
Та-та-та с посошком...
И в дальний путь,
И в дальний путь
Отправился пешком.
Он шел, и все глядел вперед,
И все вперед глядел,
Не спал, не пил,
Не спал, не пил,
Не спал, не пил, не ел...

А может, снова все начать,
И бросить этот вздор?!
Уже на ордере печать
Оттиснул прокурор...

Начнем вот эдак — пять зайчат
Решили ехать в Тверь...
А в дверь стучат,
А в дверь стучат —
Пока не в эту дверь.

Пришли зайчата на вокзал,
Прошли зайчата в зальце,
И сам кассир, смеясь, сказал —
Впервые вижу зайца!

Но этот чёртов человек
С веревкой и мешком,
Он и без спроса в дальний путь
Отправился пешком,
Он шел, и все глядел вперед,
И все вперед глядел,
Не спал, не пил,
Не спал, не пил,
Не спал, не пил, не ел.
И вот однажды, поутру,
Вошел он в темный лес,
И с той поры, и с той поры,
И с той поры исчез.

На воле — снег, на кухне — чад,
Вся комната в дыму,

А в дверь стучат,
А в дверь стучат,
На этот раз — к нему!

О чем он думает теперь,
Теперь, потом, всегда,
Когда стучит ногою в дверь
Чугунная беда?!

А тут ломается строка,
Строфа теряет стать,
И нет ни капли табака,
А там — уж не достать!
И надо дописать стишок,
Пока они стучат...
И значит, все-таки — мешок,
И побоку зайчат,
(А в дверь стучат!)
В двадцатый век!
(Стучат!)
Как в темный лес.
Ушел однажды человек
И навсегда исчез!..
Но Парка нить его тайком
По-прежнему прядет,
А он ушел за табаком.
Он вскорости придет.

За ним бежали сто собак,
И кот по крышам лез...
Но только в городе табак
В тот день как раз исчез,

И он пошел в Петродворец,
Потом пешком в Торжок...
Он догадался, наконец,
Зачем он взял мешок...

Он шел сквозь свет
И шел сквозь тьму,
Он был в Сибири и в Крыму,
А опер каждый день к нему
Стучится, как дурак...
И много, много лет подряд
Соседи хором говорят —
Он вышел пять минут назад,
Пошел купить табак...

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ИТАКУ

Памяти Осипа Эмильевича Мандельштама

...в квартире, где он жил, находились он, Надежда Яковлевна и Анна Андреевна Ахматова, которая приехала его навес- тить из Ленинграда. И вот они сидели все вместе, пока длился обыск, до утра, и пока шел этот обыск, за стеною, тоже до утра, у соседа их, Кирсанова, ничего не знавшего об обыске, запускали пластинки с модной в ту пору гавайской гитарой...

*-И только и света,
Что в звездной, колючей неправде,
А жизнь промелькнет
Театрального капора пеной,
И некому молвить
Из табора улицы темной...»*

Мандельштам

Всю ночь за стеной ворковала гитара,
Сосед-прощалыга крутил юбилей,
А два понятых, словно два санитара,
А два понятых, словно два санитара,
Зевая, томились у черных дверей.

И жирные пальцы, с неспешной заботой,
Кромешной своей занимались работой,
И две королевы глядели в молчаньи,
Как пальцы копались в бумажном мочале,

А пальцы копались, и рвалась бумага...
И пел за стеной тенорок-бедолага:
«Рамона, моя любовь, мои мечты,
Рамона, везде и всюду только ты...»

«...И только и света,
Что в звездной, колючей неправде...»

По улице черной, за вороном черным,
За этой каретой, где окна крестом,
Я буду метаться в дозоре почетном,
Я буду метаться в дозоре почетном,
Пока, обессилев, не рухну пластом!

Но слово останется, слово осталось!
Не к слову, а к сердцу приходит усталость,
И хочешь, не хочешь — слезай с карусели,
И хочешь, не хочешь — конец одиссеи!

Но нас не помчат паруса на Итаку:
В наш век на Итаку везут по этапу,
Везут Одиссея в телячьем вагоне,
Где только и счастья, что нету погони!

Где, выпив «ханжи», на потеху вагону,
Блатарь-одессит распевает «Рамону»:
«Рамона, ты слышишь ветра нежный зов,
Рамона, ведь это песнь любви без слов...»

«...И некому, некому,
Некому молвить
Из табора улицы темной...»

ЦЫГАНСКИЙ РОМАНС

Повстречала девчонка бога,
Бог пил мертвую в монопольке,
Ну, а много ль от бога прока
В чертовне и в чаду попойки?
Ах, как пилось к полночи!
Как в башке гудело,
Как цыгане, сволочи,
Пели «Конавэлла»!

«Ай да Конавэлла, гран-традела,
Ай да йорысака палалховела!»

А девчонка сидела с богом,
К богу фасом, а к прочим боком,
Ей домой бы бежать к папане,
А она чокается шампанью.
Ах, елочки-мочалочки,
Сладко вина пьются
В серебряной чарочке
На золóтом блюдце!

Кому чару пить?! Кому здраву быть?!
Королевичу Алексáндровичу!

С самоваров к чертям полуда,
Чад летал над столами сотью,
А в четвертом часу, под утро.

Бог последнюю кинул сотню...
Бога, пьяного в дугу,
Все теперь цукáли,
И цыгане — ни гу-гу,
Разбрелись цыгане,
И друзья, допив до дна, —
Скатертью дорога!
Лишь девчонка та одна
Не бросала бога.

А девчоночка эта с Охты,
И глаза у ней цвета охры,
Ждет маманя свою кровинку,
А она с богом сидит в обнимку.
И надменный половой
Шваркал мокрой тряпкой,
Бог с поникшей головой
Горбил плечи зябко
И просил у цыган хоть слова,
Хоть немножечко, хоть чуть слышно,
А в ответ ему — жбан рассола:
Понимай, мол, что время вышло!
Вместо водочки — вода,
Вместо пива — пена!..
И девчоночка тогда
Тоненько запела:

«Ай да Конавэлла, гран-традела,
Ай да йорысака палалховела...»

Ах, как пела девчонка богу!
И про поле, и про дорогу,

И про сумерки, и про зори,
И про милых, ушедших в море.
Ах, как пела девчонка богу!
Ах, как пела девчонка Блоку!
И не знала она, не знала,
Что бессмертной в то утро стала.

Этот тоненький голос в трактирном чаду
Будет вечно звенеть в «Соловьином саду».

САЛОННЫЙ РОМАНС

*Памяти Александра Николаевича
Вертинского*

*«...Мне снилось, что потом,
В притонах Сан-Франциско,
Лиловый негр Вам подает манто...»*

И вновь эти вечные трое
Играют в преступную страсть,
И вновь эти греки из Трои
Стремятся Елену украсть.
А сердце сжимается больно,
Виски малярийно мокры
От этой игры треугольной,
Безвыигрышной этой игры.

Развей мою смуту жалейкой,
Где скрыты лады под корой,
И спой, как под старой шинелькой
Лежал «сероглазый король».
В беспамятстве дедовских кресел
Глаза я закрою, и вот —
Из рыжей Бразилии крейсер
В кисейную гавань плывет.

А гавань созвездия множит,
А тучи — летучей грядой!
Но век не вмешаться не может,
А норов у века крутой!
Он судьбы смешает, как фанты,

Ему ералаш по душе,
И вот он вряля-лейтенанта
Назначит морским атташе.

На карте истории некто
Возникнет, подобный мазку,
И правнук «лилового негра»
За займом приедет в Москву.
И все ему даст непременно
Тот некто, который никто,
И тихая «пани Ирэна»
Наденет на негра пальто.

И так этот мир разутюжен,
Что чёрта ли нам на рожон?!
Нам «ужин прощальный» — не ужин,
А сто пятьдесят под боржом.

А трое? Ну, что же, что трое!
Им равное право дано.
А Троя? Разрушена Троя!
И это известно давно.
Все предано праху и тлену,
Ни дат не осталось, ни вех.
А нашу Елену — Елену
Не греки украли, а век!

ПЕСНЯ ПРО НЕСЧАСТЛИВЫХ ВОЛШЕБНИКОВ,
ИЛИ ЭЙН, ЦВЕЙ, ДРЕЙ!

Жили-были несчастливые волшебники,
И учеными считались и спесивыми,
Только самые волшебные учебники
Не смогли их научить, как быть счастливыми.
И какой бы ни пошли они дорогою,
Все кончалось то бедою, то морокою!

Но когда маэстро Скрипочкин —
Ламца-дрица, об-ца-ца!
И давал маэстро Лампочкин
Синий свет из-за кулис,
Выходили на просцениум
Два усатых молодца,
И восторженная публика
Им кричала — браво, бис! —
В никуда взлетали голуби,
Превращались карты в кубики,
Гасли свечи стеариновые —
Зажигались фонари!
Эйн, цвей, дрей!
И отрезанные головы
У желающих из публики,
Улыбаясь и подмигивая,
Говорили — раз, два, три!
Что в дословном переводе означает —
Эйн, цвей, дрей!

Ну, а после, утомленные до сизости,
Не в наклеенных усах и не в парадности,

Шли в кафе они куда-нибудь поблизости,
Чтоб на время позабыть про неприятности,
И заказывали ужин два волшебника —
Два стакана молока и два лапшевника.

А маэстро Балалаечкин —
Ламца-дрица, об-ца-ца!
И певица Доремикина
Что-то пела про луну,
И сидели очень грустные
Два усталых мудреца,
И тихонечко, задумчиво,
Говорили — ну и ну!
А вокруг гудели парочки,
Пили водку и шампанское,
Пил маэстро Балалаечкин
Третью стопку на пари —
Эйн, цвей, дрей!
И швырял ударник палочки,
А волшебники с опаскою,
Наблюдая это зрелище,
Говорили — раз, два, три!
Что, как вам уже известно, означает:
Эйн, цвей, дрей!

Так и шли они по миру безучастному,
То проезжею дорогой, то обочиной...
Только тут меня позвали к Семичастному,
И осталась эта песня неоконченной.
Объяснили мне, как дважды два учебники,
Что волшебники — счастливые волшебники!

И не зря играет музыка —
Ламца-дрица, об-ца-па!
И не зря чины и звания,
Вроде ставки на кону,
И не надо бы, не надо бы,
Ради красного словца
Сочинять, что не положено
И не нужно никому!

Я хотел бы стать волшебником,
Чтоб ко мне слетались голуби,
Чтоб от слов моих, таинственных,
Зажигались фонари! —
Эйн, цвей, дрей!
Но, как пес, гремя ошейником,
Я иду, повесив голову,
Не туда, куда мне хочется,
А туда, где:
— Ать — два — три!
Что ни капли не похоже
На волшебное:
— Эйн, цвей, дрей!

СЪЕЗДУ ИСТОРИКОВ

Полцарства в крови, и в развалинах век,
И сказано было недаром:
«Как ныне собирается вещей Олег
Отмстить неразумным хазарам...»

И эти, звенящие медью, слова,
Мы все повторяли не раз, и не два.

Но как-то с трибуны большой человек
Воскликнул с волнением и жаром:
«Однажды задумал предатель-Олег
Отмстить нашим братьям-хазарам...»

Уходят слова, и приходят слова,
За правдою правда вступает в права.

Так помните ж, люди, и знайте вовек,
И к чёрту дурацкая смута:^{*}
«Каким-то хазарам, какой-то Олег,
За что-то отмстил, почему-то!»

И это преданье седой старины —
Пример для историков нашей страны!

Вариант: * Вовек, чтобы не было смуты:

ТАК ЖИЛИ ПОЭТЫ

В майский вечер, пронзительно дымный,
Всех побегов герой, всех погонь,
Как он мчал, бесноватый и дивный,
С золотыми копытами конь.

И металась могучая грива,
На ветру языками огня,
И звенела цыганская гривна,
Заплетенная в гриву коня.

Воплощенье веселого гнева,
Не крещенный позорным кнутом,
Как он мчал — все налево, налево...
И скрывался из виду потом.

Он, бывало, нам снился ночами,
Как живой — от копыт до седла.
Впрочем, все это было в начале,
А начало прекрасно всегда.

Но приходит с годами прозренье,
И томит наши души оно,
Словно горькое, трезвое зелье
Подливает в хмельное вино.

Постарели мы и полысели,
И погашен волшебный огонь.
Лишь кружит на своей карусели
Сам себе опостылевший конь!

Ни печали не зная, ни гнева,
По-собачьи виляя хвостом,
Он кружит все налево, налево,
И направо, направо потом.

И унылый сморчок-бедолага,
Медяками в кармане звеня,
Карусельщик — майор из ГУЛАГа,
Знай, гоняет по кругу коня!

В круглый мир, намалеванный кругло,
Круглый вход охраняет конвой...
И топочет дурацкая кукла,
И кружит деревянная кукла,
Притворяясь живой.

ВАЛЬС-БАЛЛАДА ПРО ТЕЩУ ИЗ ИВАНОВА

Ох, ему и всыпали по первое,
По дерьму, спеленутого, волоком!
Праведные суки, брызжа пеною,
Обзывали жуликом и Поллаком!

Раздавались выкрики и выпады,
Ставились искусно многоточия,
А в конце, как водится, оргвыводы —
Мастерская, дб́говор и прочее...

Он припер вещички в гололедицу
(Все в один упрятал узел драненький)
И свалил их в угол, как поленницу —
И холсты, и краски, и подрамники...

Томка вмиг слетала за «кубанскою»,
То да сё, яичко, два творожничка...
Он грамм сто приня́л, заел колбаскою,
И сказал, что полежит немножечко.

Выгреб тайно из пальтишка рваного
Нембутал, прикопленный заранее...
А на кухне теща из Иванова,
Ксенья Павловна, вела дознание.

За окошком ветер мял акацию,
Билось чье-то сизое исподнее...
— А за что ж его? — Да за абстракцию.
— Это ж надо! А трезвону подняли!

Он откуда родом? — Он из Рыбинска.
— Что рисует? — Все натуру разную.
— Сам еврей? — А что? — Сиди не рыпайся!
Вон у Ритки без ноги, да с язвою...

Курит много? — В день полпачки «Севера».
— Риткин, дьявол, курит вроде некрута,
А у них еще по лавкам семеро...
Хорошо живете? — Лучше некуда!..

— Риткин, что ни вечер, то с приятелем,
Заимела, дура, в доме ворога...
Значит, окаянный твой с понятием:
В день полпачки «Севера» — недорого.

Пить-то пьет? —
— Как все, по воскресениям!
— Риткин пьет, вся рожа окарябана!
...Помолчали, хрустнуло печение,
И, вздохнув, сказала теща Ксения, —
— Ладно уж, прокормим окаянного...

ПЕСНЯ ПРО ВЕЛОСИПЕД

Ах, как мне хотелось, мальчишке,
Проехаться на велосипеде.
Не детском, не трехколесном, —
Взрослом велосипеде!

И мчаться навстречу соснам —
Туда, где сосны и ели, —
И чтоб из окна глядели,
Завидуя мне, соседи —
Смотрите, смотрите, смотрите,
Смотрите, мальчишка едет
На взрослом велосипеде!..

...Ехал мальчишка по улице
На взрослом велосипеде.
— Наркомовский Петька, умница, —
Шептались вокруг соседи.

Я крикнул — дай прокатиться! —
А он ничего не ответил,
Он ехал медленно, медленно,
А я бы летел, как ветер,
А я бы звоночком цокал,
А я бы крутил педали,
Промчался бы мимо окон —
И только б меня видали!..

...Теперь у меня в передней
Пылится велосипед,

Пылится уже, наверно,
С добрый десяток лет.
Но только того мальчишки
Больше на свете нет,
А взрослому, мне не нужен
Взрослый велосипед!

Ох, как мне хочется, взрослому,
Потрогать пальцами книжку,
И прочесть на обложке фамилию,
Не чью-нибудь, а мою!..

Нельзя воскресить мальчишку,
Считайте — погиб в бою...
Но если нельзя — мальчишку,
И в прошлое ни на шаг,
То книжку-то можно?! Книжку!
Ее — почему никак?!

Величественный, как росчерк,
Он книжки держал под мышкой.
— Привет тебе, друг-доносчик,
Привет тебе, с новой книжкой!

Партийная Илиада!
Подарочный холуяж!
Не надо мне так, не надо —
Пусть тысяча — весь тираж!
Дорого с суперобложкой?
К чёрту суперобложку!

Но нету суперобложки,
И переплета нет.

...Немножко пройдет, немножко,
Каких-нибудь тридцать лет,
И вот она, эта книжка,
Не в будущем, в этом веке!
Снимает ее мальчишка
С полки в библиотеке!
А вы говорили — бредни!
А вот через тридцать лет...

Пылится в моей передней
Взрослый велосипед.

Ю 3

По стеклу машины перед глазами шофера
Бегают дворники направо-налево,
Направо-налево, направо-налево...

Не летят к нам птицы с теплого юга,
Улетают птицы на теплый юг,
Почему-то надо бояться юза,
А никто не знает, что такое юз,
Ах, никто не знает, что такое юз!

Телефон молчит мой, а это скверно,
Я-то понимаю, что дело в том,
Ты сейчас под зонтиком ходишь, наверно,
А под зонтиком трудно ходить вдвоем.
Ах, под зонтиком трудно ходить вдвоем!

И под медленным дождиком мокнет муза,
И у дождика странный, соленый вкус,
Может, муза тоже боится юза?!
И не знает тоже, что значит юз?!
Ах, не знает муза, что значит юз!

По стеклу машины перед глазами шофера
Бегают дворники направо-налево,
Направо-налево, направо-налево...

От беды моей пустяковой
(Хоть не прошен и не в чести),
Мальчик с дудочкой тростниковой,
Постарайся меня спасти!

Сатанея от мелких каверз,
Пересудов и глупых ссор,
О тебе я не помнил, каюсь,
И не звал тебя до сих пор.

И, как все горожане, грешен,
Не искал я твой детский след,
Не умел замечать скворешен
И не помнил, как пахнет свет.

...Свет ложился на подоконник,
Затевал на полу возню,
Он — охальник и беззаконник —
Забирался под простыню.

Разливался, пропахший светом,
Голос дудочки в тишине...
Только я позабыл об этом
Навсегда, как казалось мне.

В жизни глупой и бестолковой,
Постоянно сбиваясь с ног,
Пенье дудочки тростниковой
Я сквозь шум различить не смог.

Но однажды, в дубовой ложе,
Я, поставленный на правёж,
Вдруг такие увидел рожи —
Пострашней карнавальных рож!

Не медведи, не львы, не лисы,
Не кикимора и сова, —
Были лица — почти как лица,
И почти как слова — слова.

За квадратным столом, по кругу,
В ореоле моей вины,
Все твердили они друг другу,
Что друг другу они верны!

И тогда, как свеча в потёмки,
Вдруг из давних приплыл годов
Звук пленительный и негромкий
Тростниковых твоих ладов.

И отвесив, я думал, — дерзкий,
А на деле смешной поклон,
Я под наигрыш этот детский
Улыбнулся и вышел вон.

В жизни прежней и в жизни новой
Навсегда, до конца пути,
Мальчик с дудочкой тростниковой,
Постарайся меня спасти!

Кошачьими лапами вербы
Украшен фанерный лоток,
Шампанского марки «Ихь штэрбе»
Еще остается глоток.

А я и пригубить не смею
Смертельное это вино,
Подобно лукавому змею,
Меня искушает оно!

«Подумаешь, пахнет весной,
И вербой торгуют в раздрыг,
Во первых строках — привозною
И дело не в том, во-вторых.

Ни в медленном тлении весен,
Ни в тихом бряцаньи строки,
Ни в медленном таяньи весел
Над желтой купелью реки —

Ни лада, ни смысла, ни склада,
Как в громе, гремящем вдали,
А только и есть, что ограда
Да мерзлые комья земли.

А только и есть, что ограда
Да склепа сырое жильё...
Ты смертен, и это награда
Тебе — за бессмертье Твое...»

ПРОЩАНИЕ С ГИТАРОЙ
(Подражание Аполлону Григорьеву)

*-...Чибиряк, чибиряк, чибиряшечка,
Ах, как скушно мне с тобой, моя душечка-*

Осенняя, простудная,
Печальная пора,
Гитара семиструнная,
Ни пуха, ни пера!
Ты с виду — тонкорунная,
На слух — ворожея,
Подруга семиструнная,
Прелестница моя!
Ах, как ты пела смолоду,
Вся музыка и стать,
Что трудно было голову
С тобой не потерять!

Чибиряк, чибиряк, чибиряшечка,
Ах, как плыла голова, моя душечка!

Когда ж ты стала каяться
В преклонные лета,
И стать не та, красавица,
И музыка не та!
Все в говорок про странствия,
Про ночи у костра,
Была б, мол, только санкция,
Романтики сестра.
Романтика, романтика
Небесных колеров!

Нехитрая грамматика
Небитых школяров.

Чибиряк, чибиряк, чибиряшечка,
Ах, как скушно мне с тобой, моя душечка!

И вот, как дождь по луночке,
Который год подряд,
Все на одной на струночке,
А шесть других молчат.
И лишь затем без просыпа
Разыгрываешь страсть,
Что, может, та, курносая,
«Послушает и даст»...
Так и живешь, бездумная,
В приятности примет,
Гитара однострунная —
Полезный инструмент!

Чибиряк, чибиряк, чибиряшечка,
Ах, не совестно ль, тебе, моя душечка!

Плевать, что стала курвою,
Что стать под стать блядам,
Зато номенклатурная,
Зато нужна людям!
А что души касается,
Про то забыть пора.
Ну что ж, прощай, красавица!
Ни пуха, ни пера!

Чибиряк, чибиряк, чибиряшечка,
Что ж, ни пуха, ни пера, моя душечка!

ЧЕРНОВИК ЭПИТАФИИ

Худо было мне, люди, худо...
Но едва лишь начну про это,
Люди спрашивают — откуда,
Где подслушано, кем напето?

Дуралеи спешат смеяться,
Чистоплюи воротят морду...
Как легко мне было сломаться,
И сорваться, и спиться к чёрту!

Не моя это, вроде, боль,
Так чего ж я кидаюсь в бой?
А вела меня в бой судьба,
Как солдата ведет труба!

Сколько раз на меня стучали,
И дивились, что я на воле,
Ну, а если б я гнил в Сучане,
Вам бы легче дышалось, что ли?

И яснее б вам, что ли, было,
Где — по совести, а где — кроме?
И зачем я, как сторож в било,
Сам в себя колочусь до крови?!

И какая, к чертям, судьба?
И какая, к чертям, труба?
Мне б частушкой по струнам, в лёт,
Да гитара, как видно, врёт!

А хотелось-то мне в дорогу,
Налегке, при попутном ветре,
Я бы пил молоко, ей-Богу,
Я б в лесу ночевал, поверьте!

И шагал бы, как вольный цыган,
Никого бы нигде не трогал,
Я б во Пскове по-птичьи цыкал,
И округло б на Волге окал,

И частушкой по струнам — в лёт,
Да гитара, как видно, врёт,
Лишь мучительна и странна,
Все одна дребезжит струна!

Понимаю, что просьба тщетна,
Поминают — поименитей!
Ну, не тризною, так хоть чем-то,
Хоть всухую, да помяните!

Хоть за то, что я верил в чудо,
И за песни, что пел без склада,
А про то, что мне было худо,
Никогда вспоминать не надо!

И мучительна, и странна,
Все одна дребезжит струна,
И приладиться к ней, ничьей,
Пусть попробует, кто ловчей!

А я не мог!

РАЗГОВОР С МУЗОЙ

Наплевать, если сгину в какой-то Инте,
Все равно мне бессмертные счастьем потрафили
На такой широте и такой долготе,
Что ее не найти ни в какой географии...

В этом доме у маяка!..
В этом доме не стучат ставни,
Не таращатся в углах вещи,
Там не бредят о пустой славе,
Там все истинно, и все вечно!
В этом доме у маяка!..

Если имя мое в разговоре пустом
Будут втаптывать в грязь с безразличным
усердием,
Возвратись в этот дом, возвратись в этот дом,
Где тебя и меня наградили бессмертием...

В этом доме у маяка!..
В этом доме не бренчать моде,
В этом доме не греметь джазам,
Но приходит в этот дом море,
Не волной, а всё, как есть, разом!
В этот дом у маяка...

Если с радостью тихой партком и местком
Сообщат, наконец, о моем погребении,
Возвратись в этот дом, возвратись в этот дом!
Где спасенье мое и мое воскресение!

В этом доме у маяка,
В этом доме все часы — полдни,
И дурные не черны вести,
Где б мы ни были с тобой, помни!
В этом доме мы всегда вместе!
В этом доме у маяка!..

ПЕСНЯ

Телефон, нишкни́, замолкни!
Говорить — охоты нет.
Мы готовимся к зимовке,
Нам прожить на той зимовке
Предстоит немало лет.

Может, десять, может, девять.
Кто подскажет наперёд?!
Что-то, вроде, надо делать,
А вот то и надо делать,
Что готовиться в поход.

Будем в списке ставить птички,
Проверять по многу раз;
Не забыть бы соль и спички,
Не забыть бы соль и спички,
Взять бы сахар про запас.

Мы и карту нарисуем!
Скоро в путь!
Ничего, перезимуем!
Как-нибудь перезимуем.
Как-нибудь!

Погромыхивает еле
Отгулявшая гроза...
Мы заткнём в палатке щели,
Чтобы люди в эти щели
Не тарасили глаза.

Никакого нету толка
Разбираться — чья вина?!
На зимовке очень долго,
На зимовке страшно долго
Длятся ночь и тишина.

Мы потуже стянем пояс —
Порастай беда быльём!
Наша льдина не на полюс,
Мы подальше, чем на полюс, —
В одиночество плывём!

Мы плывём и в ус не дуем.
В путь так в путь!
Ничего, перезимуем.
Как-нибудь! Перезимуем
Как-нибудь!

Годы, месяцы, недели
Держим путь на свой причал,
Но, признаться, в самом деле
Я добравшихся до цели
Почему-то не встречал.

Зажелтит заката охра,
Небо в саже и в золе
Сквозь зашторенные окна...
Строго смотрят окна в окна,
Все зимовки на земле.

И не надо переклички,
Понимаем всё и так...

Будем в списке ставить птички...
Не забыть бы соль и спички,
Сахар, мыло и табак.

Мы, ей-Богу, не горюем.
Время — в путь.
Ничего, перезимуем.
Как-нибудь перезимуем,
Как-нибудь.

МЫ НЕ ХУЖЕ ГОРАЦИЯ

Вы такие нестерпимо ражие,
И такие, в сущности, примерные,
Все томят вас бури вернисажные,
Все шатают паводки премьерные.

Ходите, тишайшие, в неистовых,
Феями цензурными заняньканы!
Ну, а если — ни премьер, ни выставок,
Десять метров комната в Останкине!

Где улыбкой стражники-наставники
Не сияют благостно и святочно,
Но стоит картина на подрамнике,
Вот и все!
А этого достаточно!
Там стоит картина на подрамнике —
Этого достаточно!

Осудив и совесть и бесстрашие
(Вроде не заложишь и не купишь их),
Ах, как вы присутствуете, ражие,
По карманам рассовавши кукиши!
Что ж, зовите небылицы былями,
Окликайте стражников по имени!
Бродят между ражими Добрынями
Тунеядцы Несторы и Пимены.

Их имен с эстрад не рассиропили,
В супер их не тискают облаточный,
«Эрика» берет четыре копии,

Вот и все!

А этого достаточно!

Пусть пока всего четыре копии —
Этого достаточно!

Время сеет ветры, мечет молнии,
Создает советы и комиссии,
Что ни день — фанфарное безмолвие
Славит многодумное безмыслие.

Бродит Кривда с полосы на полосу,
Делится с соседской Кривдой опытом,
Но гремит напетое вполголоса,
Но гудит прочитанное шёпотом,

Ни партера нет, ни лож, ни яруса,
Клака не безумствует припадочно,
Есть магнитофон системы «Яуза»,
Вот и все!

А этого достаточно!

Есть, стоит картина на подрамнике!
Есть, отстукано четыре копии!
Есть магнитофон системы «Яуза»!
И этого достаточно!

Прилетает по ночам ворон,
Он бессонницы моей кормчий,
Если даже я ору ором,
Не становится мой ор громче.

Он едва на пять шагов слышен,
Но и это, говорят, слишком.
Но и это, словно дар свыше, —
Быть на целых пять шагов слышным!

ЖУТКОЕ СТОЛЕТИЕ

КРАСНЫЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Ой, ну что ж тут говорить, что ж тут спрашивать,
Вот стою я перед вами, словно голенький,
Да, я с Нинулькой гулял с тетипашиной,
И в «Пекин» ее водил, и в Сокольники.

Поясок ей подарил поролоновый,
И в палату с ней ходил в Грановитую,
А жена моя, товарищ Парамонова,
В это время находилась за границею.

А вернулась, ей привет — анонимочка,
Фотоснимок, а на нем — я да Ниночка!
Просыпаюсь утром — нет моей кисочки,
И ни вещичек ее нет, ни записочки,

Нет как нет,
ну, прямо, нет как нет!

Я к ней, в ВЦСПС, в ноги падаю,
Говорю, что все во мне переломано,
Не серчай, что я гулял с этой падлюю,
Ты прости меня, товарищ Парамонова!

А она как закричит, вся стала черная —
Я на слезы на твои — ноль внимания,
И ты мне лазаря не пой, я ученая,
Ты людям все расскажи на собрании!

И кричит она, дрожит, голос слабенький,
А холоуи уж тут как тут, каплют капельки,
И Тамарка Шестопал, и Ванька Дёрганов,
И еще тот референт, что из «органов»,

Тут как тут,
ну, прямо, тут как тут!

В общем, ладно, прихожу на собрание,
А дело было, как сейчас помню, первого,
Я, конечно, бюллетень взял заранее
И бумажку из диспансера нервного.

А Парамонова, гляжу, в новом шарфике,
А как увидела меня, вся стала красная,
У них первый был вопрос — свободу Африке! —
А потом уж про меня — в части «разное».

Ну, как про Гану — все в буфет за сардельками,
Я и сам бы взял кило, да плохо с деньгами,
А как вызвали меня, я свял от робости,
А из зала мне кричат — давай подробности! —

Все, как есть,
ну, прямо, все, как есть!

Ой, ну что ж тут говорить, что ж тут спрашивать
Вот стою я перед вами, словно голенький,
Да, я с племянницей гулял с тетипашиной,
И в «Пекин» ее водил, и в Сокольники,

И в моральном, говорю, моем облике
Есть растленное влияние Запада,
Но живем ведь, говорю, не на облаке,
Это ж только, говорю, соль без запаха!

И на жалость я их брал, и испытывал,
И бумажку, что я псих, им зачитывал,
Ну, поздравили меня с воскресением,
Залепили строгача с занесением!

Ой, ой, ой,
ну, прямо, ой, ой, ой...

Взял я тут цветов букет покрасивее,
Стал к подъезду номер семь, для начальников,
А Парамонова, как вышла, стала синяя,
Села в «Волгу» без меня и отчалила!

И тогда прямым путем в раздевалку я,
И тете Паше говорю, мол, буду вечером,
А она мне говорит — с аморалкою
Нам, товарищ дорогой, делать нечего.

И племянница моя, Нина Саввовна,
Она думает как раз то же самое,
Она всю свою морковь нынче прбдала,
И домой, по месту жительства, отбыла.

Вот те на,
ну, прямо, вот те на!

Я иду тогда в райком, шлю записочку,
Мол, прошу принять, по личному делу я,
А у Грошевой как раз моя кисочка,
Как увидела меня, вся стала белая!

И сидим мы у стола с нею рядышком,
И с улыбкой говорит товарищ Грошева —
Схлопотал он строгача, ну и ладушки,
Помириться вы теперь, по-хорошему.

И пошли мы с ней вдвоем, как по облаку,
И пришли мы с ней в «Пекин» рука об руку,
Она выпила «дюрсо», а я «перцовую»
За советскую семью, образцовую!

Вот и все...

ВЕСЕЛЫЙ РАЗГОВОР

А ей мама, ну, во всем потакала,
Красной Шапочкой звала, пташкой вольной,
Ей какава по утрам два стакана,
А сама чайку попьет — и довольно.

А как маму схоронили в июле,
В доме денег — ни гроша, ни бумаги,
Но нашлись на свете добрые люди:
Обучили на кассиршу в продмаге.

И сидит она в этой кассе,
Как на месте публичной казни,

А касса щелкает, касса щелкает,
Скушал Шапочку Серый Волк!
И трясет она черной челкою,
А касса: щелк, щелк, щелк,

Ах, веселый разговор!

Начал Званцев ей, завмаг, делать пассы:
«Интересно бы узнать, что за птица?»
А она ему в ответ из-за кассы, —
Дожидаю, мол, прекрасного принца.

Всех отшила, одного не отшила,
Называла его милым Алешей,
Был он техником по счетным машинам,
Хоть и лысый, и еврей, но хороший.

А тут как раз война, а он в запасе,
Прокричала ночь и снова к кассе.

А касса щелкает, касса щелкает,
А под Щелковым — в щепки полк!
И трясет она пегой челкою,
А касса: шелк, шелк, шелк,

Ах, веселый разговор...

Как случилось — ей вчера ж было двадцать,
А уж доченьке девятый годочек,
И опять к ней подъезжать начал Званцев,
А она про то и слушать не хочет.

Ну, и стукнул он, со зла, не иначе,
Сам не рад, да не пойдешь на попятный,
Обнаружили ее в недостатке,
Привлекли ее по сто тридцать пятой.

И на этап пошла по указу,
А там амнистия, и снова в кассу.

А касса щелкает, касса щелкает,
Засекается ваш крючок!
И трясет она рыжей челкою,
А касса: шелк, шелк, шелк,

Ах, веселый разговор!

Уж любила она дочку, растила,
Оглянуться не успела — той двадцать!

Ой, зачем она в продмаг зачастила,
Ой, зачем ей улыбается Званцев?!

А как свадебку сыграли в июле,
Было шумно на Песчаной, на нашей,
Говорят в парадных добрые люди,
Что зовет ее, мол, Званцев «мамашей».

И сидит она в своей кассе,
А у ней внучок — в первом классе.

А касса щелкает, касса щелкает,
Не копеечкам — жизни счет!
И трясет она белой челкою,
А касса: щелк, щелк, щелк,

Ах, веселый разговор...

ГОРОДСКОЙ РОМАНС (ТОНЕЧКА)

Она вещи собрала, сказала тоненько:
«А что ты Тоньку полюбил, так Бог с ней,
с Тонькою!
Тебя ж не Тонька завлекла губами мокрыми,
А что у папы у ее топтун под окнами,
А что у папы у ее дача в Павшине,
А что у папы холуи с секретаршами,
А что у папы у ее пайки цековские,
И по праздникам кино с Целиковскою!
А что Тонька-то твоя сильно страшная —
Ты не слушай меня, я вчерашняя!
И с доскою будешь спать со стиральнойю
За машину за его персональную...

Вот чего ты захотел, и знаешь сам,
Знаешь сам, да стесняешься,
Про любовь твердишь, про доверие,
Про высокие про материи...
А в глазах-то у тебя дача в Павшине,
Холуи да топтуны с секретаршами,
И как вы смотрите кино всей семейкою,
И как счастье на губах — карамелькою...»

Я живу теперь в дому — чаша полная,
Даже брюки у меня — и те на молнии,
А вина у нас в дому — как из кладезя,
А сортир у нас в дому — восемь на десять...
А папаша приезжает сам к полуночи,

Топтуны да холуи тут все по струночке!
Я папаше подношу двести граммчиков,
Сообщаю анекдот про абрамчиков!
А как спать ложусь в кровать с дурой-
Тонькою,
Вспоминаю той, другой, голос тоненький,
Ух, характер у нее — прямо бешеный,
Я звоню ей, а она трубку вешает...

Отвези ж ты меня, шеф, в Останкино,
В Останкино, где «Титан» кино,
Там работает она билетершею,
На дверях стоит вся замерзшая,
Вся замерзшая, вся продрогшая,
Но любовь свою превозмогшая,
Вся иззябшая, вся простывшая,
Но не предавшая и не простившая!

ЛЕНОЧКА

Апрельской ночью Леночка
Стояла на посту.
Красоточка-шатеночка
Стояла на посту.
Прекрасная и гордая,
Заметна за версту,
У выезда из города
Стояла на посту.

Судьба милиционерская —
Ругайся цельный день,
Хоть скромная, хоть дерзкая —
Ругайся цельный день.
Гулять бы ей с подругами
И нюхать бы сирень!
А надо с шоферами
Ругаться цельный день.

Итак, стояла Леночка,
Милиции сержант,
Останкинская девочка,
Милиции сержант.
Иной снимает пеночки,
Любому свой талант,
А Леночка, а Леночка —
Милиции сержант.

Как вдруг она заметила —
Огни летят, огни,
К Москве из Шереметьева

Огни летят, огни.
Ревут сирены зычные,
Прохожий — ни-ни-ни!
На Лену заграничные
Огни летят, огни!

Дает отмашку Леночка,
А ручка не дрожит,
Чуть-чуть дрожит коленочка,
А ручка не дрожит.
Машины, чай, не в шашечку,
Колеса — вжик да вжик!
Дает она отмашечку,
А ручка не дрожит.

Как вдруг машина главная
Свой замедляет ход,
Хоть и была исправная,
Но замедляет ход.
Вокруг охрана стеночкой
Из КГБ, но вот
Машина рядом с Леночкой
Свой замедляет ход.

А в той машине писанный
Красавец эфиоп,
Глядит на Лену пристально
Красавец-эфиоп.
И встав с подушки кремовой,
Не промахнуться чтоб,
Бросает хризантему ей
Красавец-эфиоп!

А утром мчится нарочный
ЦК КПСС
В мотоциклетке марочной
ЦК КПСС.
Он машет Лене шляпою,
Спешит наперерез —
Пожалте, Л. Потапова,
В ЦК КПСС!

А там, на Старой площади,
Тот самый эфиоп,
Он принимает почести,
Тот самый эфиоп,
Он чинно благодарствует
И трет ладонью лоб,
Поскольку званья царского
Тот самый эфиоп!

Уж свита водки выпила,
А он глядит на дверь,
Сидит с моделью вымпела
И все глядит на дверь.
Все потчуют союзника,
А он сопит, как зверь,
Но тут раздалась музыка
И отворилась дверь:

Вся в тюле и в панбархате
В зал Леночка вошла,
Все прямо так и ахнули,
Когда она вошла.
И сам красавец царственный,

Ахмет Али-Паша
Воскликнул — вот так здравствуйте! —
Когда она вошла.

И вскоре нашу Леночку
Узнал весь белый свет,
Останкинскую девочку
Узнал весь белый свет —
Когда, покончив с папою,
Стал шахом принц Ахмет,
Шахиню Л. Потапову
Узнал весь белый свет!

КОМАНДИРОВОЧНАЯ ПАСТОРАЛЬ

То ли шлюха ты, то ли странница,
Вроде хочется, только колется,
Что-то сбудется, что-то станется,
Чем душа твоя успокоится?
А то и станется, что подкинется,
Будут волосы все распатланы,
Общежитие да гостиница —
Вот дворцы, твои, клеопатровы,
Сядь, не бойся, выпьем водочки,
Чай, живая, не покойница!
Коньячок? Четыре звездочки?
Коньячок — он тоже колется...

Гитарист пошел тренди-брендями,
Саксофон хрипит, как удавленный,
Все, что думалось, стало бреднями,
Обманул «Христос» новоявленный!
Спой, гитара, нам про страдания,
Про глаза нам спой, и про пальцы,
Будто есть страна Пасторалия,
Будто мы с тобой пасторальцы.
Под столом нарежем сальца,
И плевать на всех на тутошних,
Балычок? Прости, кусается...
Никаких не хватит суточных.

Расскажи ж ты мне, белка белая,
Чем ты, глупая, озабочена,
Что ты делала, где ты бегала?
Отчего в глазах червоточина?

Туфли-лодочки на полу-то чьи?
Чья на креслице юбка черная?
Наш роман с тобой до полуночи,
Курва — здешняя коридорная!

Влипнешь в данной ситуации,
И пыли потом, как конница,
Мне — к семи, тебе — к двенадцати,
Очень рад был познакомиться!

До свидания, до свидания,
Будьте счастливы и так далее,
А хотелось нам, чтоб страдания,
А хотелось, чтоб Пасторалия!
Но, видно, здорово мы усталые,
От анкет у нас в кляксах пальцы!
Мы живем в стране Постоялии —
Называемся — постояльцы...

КОМПОЗИЦИЯ № 27, ИЛИ ТРОЛЛЕЙБУСНАЯ АБСТРАКЦИЯ

Посвящается И. Грековой

- Он не то чтобы достиг, — он подлез...
- А он ей в ЦУМе — пылесос и палас...
- А она ему: «Подлец ты, подлец!..»
- И как раз у них годичный баланс...

А на дворе — то дождь, то снег.
То дождь, то снег — то плач, то смех.
И чей забой — того казна...
А кто — в запой, а кто — в «козла».

«Пользуйтесь услугами Аэрофлота,
Экономьте время», и тра-ля-ля!

- В общежитии замок на двери...
- В нос шибает то пивком, то потком...
- Отвори, — она кричит, — отвори!..
- Тут его и цап-царап на партком!..

А на дворе — то дождь, то снег.
Сперва — чуть-чуть, а там — и сверх,
Кому — во Львов, кому — в Казань,
А кто — в любовь, а кто — в «козла»!

«Покупайте к завтраку рыбные палочки,
Вкусно и питательно», и тра-ля-ля!

- Говорят, уже не первый сигнал...
- А он им в чай и подмешай нембутал...
- А им к празднику давали сига...
- По-советски, а не как-нибудь там!..

А на дворе — то дождь, то снег.
 И тот же смех, один на всех.
 И, словно бой, гремит гроза.
 А кто — в любовь, а кто — в «козла».

«Граждане, подписку на газеты и журналы
 Оформляйте вовремя», и тра-ля-ля!

- В общем, вышло у него так на так...
- А она опять: «Подлец ты, подлец!..»
- Подождите, не бросайте пятак!..
- Ну, поставили на вид и конец!..

А на дворе — то дождь, то снег,
 Всё тот же смех и тот же снег...
 И не беда, что тот же смех,
 А вот беда — все тот же век!

«Предъявляйте пропуск в развернутом
виде
 При входе и выходе», и тра-ля-ля!

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ, ИЛИ
КАК ЭТО ВСЕ БЫЛО НА САМОМ ДЕЛЕ

(Рассказ закройщика)

Ну, была она жуткою шельмою,
Одевалась в джерси и мохёр,
И звалась эта дамочка Шейлою,
На гнилой иностранный манер.

Отличалась упрямством отчаянным —
Что захочем, мол, то и возьмем...
Ее маму за связь с англичанином
Залопатили в сорок восьмом.

Было все — и уютская коечка,
Фотоснимочки в профиль и в фас,
А по ней и не скажешь нисколючко,
Прямо дамочка — маде ин Франс!

Не стирала по знакомым пеленки,
А служила в ателье, на приемке,
Оформляла исключительно шибко,
И очки еще носила для шика,

И оправка на очках роговая,
Словом, дамочка вполне роковая,
Роковая, говорю, роковая,
Роковая, прямо, как таковая!

Только сердце ей, вроде как, заперли,
На признанья смеялась — вранье!
Два закройщика с брючником запили
Исключительно через нее!

Не смеяться бы, надо молиться ей,
Жизнь ее и прижала за то,
Вот однажды сержант из милиции
Сдал в пошив ей букле на пальто.

И она, хоть прикинулась чинною,
Но бросала украдкой взгляд,
Был и впрямь он заметным мужчиною —
Рост четвертый, размер пятьдесят.

И начались тут у них трали-вали,
Совершенно, то есть, стыд потеряли,
Позабыли, что для нашей эпохи,
Не годятся эти «ахи» и «охи».

Он трезвонит ей, от дел отвлекает,
Сообщите, мол, как жизнь протекает?
Протекает, говорит, протекает...
Мы-то знаем — на чего намекает!

Вот однажды сержант из милиции
У «Динамо» стоял на посту,
Натурально, при всей амуниции,
Со свистком мелодичным во рту.

Вот он видит — идет его Шейлочка
И, заметьте, идет не одна!
Он встряхнул головой хорошенечко —
Видит — это и вправду она.

И тогда, как алкаш на посудинку,
Невзирая на свист и гудки,
Он бросается к Шейлину спутнику
И хватает его за грудки!

Ой, сержант, вы пальцем в небо попали!
То ж не хахаль был, а Шейлин папаня!
Он приехал повидаться с дочуркой
И не ждал такой проделки нечуткой!

Он приехал из родимого Глазго,
А ему суют по рылу, как нáзло,
Прямо нáзло, говорю, прямо нáзло,
Прямо ихней пропаганде, как масло!

Ну, начáлись тут трения с Лондоном,
Взяли наших посольских в клещи!
Раз, мол, вы оскорбляете лорда нам,
Мы вам тоже напишем в щи!

А как приняли лорды решение
Выслать этих, и третьих и др., —
Наш сержант получил повышение,
Как борец за прогресс и за мир!

И никто и не вспомнил о Шейлочке,
Только брючник надрался — балда!
Ну, а Шейлочку в «раковой шеечке»
Увезли неизвестно куда!

Приходили два хмыря из Минздрава —
Чуть не сутки проторчали у зава.
Он нам после доложил на летучке,
Что у ней, мол, со здоровьем лучше.

Это ж с-психа, говорит, ваша дружба
Не встречала в ней ответа, как нужно!
Так, как нужно, говорит, так, как нужно...
Ох, до чего ж все, братцы, тошно и

скушно!

ПРО МАЛЯРОВ, ИСТОПНИКА И ТЕОРИЮ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

Чувствуем с напарником — ну и ну,
Ноги прямо ватные, всё в дыму,
Чувствуем — нуждаемся в отдыхе,
Чтой-то нехорошее в воздухе.

Взяли «жигулевского» и «дубняка»
Третьим пригласили истопника,
Приняли, добавили еще разá,
Тут нам истопник и открыл глаза —

На ужасную историю
Про Москву и про Париж,
Как наши физики проспорили
Ихним физикам пари.

Все теперь на шарике вкривь и вкось,
Шиворот-навыворот, набекрень,
И что мы с вами думаем день — ночь,
А что мы с вами думаем ночь — день.

И рубают финики лопари,
А в Сахаре снегу — невпроворот,
Это гады-физики на пари
Раскрутили шарик наоборот.

И там, где полюс был, там тропики,
А где Нью-Йорк — Нахичевань,
А что люди мы, а не бобики,
Им на это начихать!

Рассказал нам все это истопник,
Вижу, мой напарник, ну, прямо сник, --
Раз такое дело — гори огнем!
Больше мы малярничать не пойдём! —

Взяли в поликлинике бюллетень,
Нам башку работою не морочь!
И что ж тут за работа, если ночью день,
А потом обратно не день, а ночь!

И при всей квалификации
Тут возможен перекус,
Это ж все-таки радиация,
А не просто купорос!

Пятую неделю я не сплю с женой;
Пятую неделю я хожу больной,
Тоже и напарник мой плачется,
Дескать, он отравленный начисто.

И лечусь «столичною» лично я,
Чтобы мне с ума не стронуться,
Истопник сказал — «столичная» —
Очень хороша от стронция.

И то я верю, а то не верится,
Что минует та беда...
А шарик вертится и вертится,
И все время не туда!

Я ПРИНИМАЮ УЧАСТИЕ В НАУЧНОМ СПОРЕ

между доктором филологических наук,
проф. Б. А. Бяликом и действительным членом
Академии наук СССР С. Л. Соболевым
по вопросу о том, может ли машина мыслить

Я не чикался на курсах, не зубрил сопромат,
Я вполне в научном мире личность лишняя.

Но вот чего я усек:

Газированной водой торговал автомат,
За копейку — без сиропа, за три — с вишнею.

И с такой торговал вольностью,
Что за час его весь выпили,
Стаканьí наливал полностью,
А людя́м никакой прибыли,
А людя́м никакой выгоды,
Ни на зуб с дуплом компенсации,
Стали люди искать выхода
Из безвыходной ситуации.

Сели думать тут ребятки, кто в беде виноват,
Где в конструкции ошибка, в чем неправильность,
Разобрали тут ребята весь как есть автомат,
Разобрали, устранили в нем несправедность.

А теперь крути, а то выпорем,
Станешь, дура, тогда умною,
Приспособим тебя к выборам,
Будешь в елках стоять урною.
Ты кончай, автомат, школьничать,

Ты кончай, автомат, умничать!
Мы отучим тебя вольничать,
Мы научим тебя жульничать.

Он повкалывал недельку — с ним обратно беда —
Весь затрясся он, как заяц под стужею,
Не поймешь, чего он каплет — не сироп, не вода,
Может, краска, может, смазка, может, хужее.

И стоит, на всех шавкой злобится,
То он плачет, то матюкается.
Это люди — те приспособятся,
А машина — та засекается!
Так и стал автомат шизиком,
Всех пугает своим видиком,
Ничего не понять физикам,
Не понять ничего лирикам.

Так давайте ж друг у друга не воруйте идей,
Не валите друг на друга свои горести,

И вот чего я вам скажу:

Может, станут автоматы не глупее людей,
Только очень это будет не вскорости!

ЖУТКОЕ СТОЛЕТИЕ

В понедельник, дело было к вечеру,
Голова болела, прямо адово,
Заявляюсь я в гараж, к диспетчеру,
Говорю, что мне уехать надобно,

Говорю, давай путевку выпиши,
Чтоб куда подале, да посеверней,
Ты меня не нюхай, я не выпивши,
Это я с тоски такой рассеянный.

Я гулял на свадьбе в воскресенье,
Тыкал вилкой в винегрет, закусывал,
Только я не пил за счастье Ксенино,
И вообще не пил, а так... присутствовал,

Я ни шкалика, и ни полшкалика,
А сидел, жевал горбушку черного,
Все глядел на Ксенькина очкарика.
Как он строил из себя ученого.

А я, может, сам из семинарии,
Может, шоферюга я по случаю,
Вижу, даже гости закемарили,
Даже Ксенька, вижу, туча тучею.

Ну, а он поет, как хор у всенощной,
Все про иксы, игреки, да синусы,
А костюмчик — и взглянуть-то не на что —
Индпошив, фасончик — на-ка, выкуси!

И живет-то он не в Дубне атомной,
А в НИИ каком-то под Каширою,
Врет, что он там шеф над автоматною
Электронно-счетною машиною.

Дескать, он прикажет ей, помножь-ка мне
Двадцать пять на девять с одной сотую,
И сидит потом, болтает ножками,
Сам сачкует, а она работает.

А она работает без ропота,
Огоньки на пульте обтекаемом!
Ну, а нам-то, нам-то среди роботов,
Нам что делать, людям неприкаянным?!

В общем, слушал я как замороженный,
А потом меня как чтой-то подняло,
Встал, сказал — за счастье новорожденной!
Может, кто не понял, — Ксенька поняла!

И ушел я, не было двенадцати,
Хлопнул дверью — празднуйте, соколики!
И в какой-то, вроде бы, прострации
Я дошел до станции Сокольники.

В автомат пятак засунул молча я,
Будто бы в копилку на часовенку,
Ну, а он залязгал, сука волчая,
И порвал штаны мне снизу доверху.

Дальше я не помню, дальше — кончики!
Плакал я и бил его ботинкою,
Шухера свистели в колокольчики,
Граждане смеялись над картинкою...

Так, давай, папаша, будь союзником,
До суда поезжу дни последние,
Ах, обрыдла мне вся эта музыка,
Это автоматное столетие!

ФЕСТИВАЛЬ ПЕСНИ В СОПОТЕ В АВГУСТЕ 1969

Над черной пажитью разрухи,
Над миром, проклятым людьми,
Поют девчонки о разлуке,
Поют мальчишки о любви!

Они глядят на нас в тревоге
И не умеют скрыть испуг,
Но наши страхи, наши боги
Для них — пустой и жалкий звук.

И наши прошлые святыни —
Для них — пустые имена,
И правда, та, что посредине,
И им и нам еще темна!

И слышит Прага, слышит Сопот,
Истошный шёпот: «Тру-ля-ля!»
Но пробивается сквозь шёпот
Кирзовый топот патруля!

Нас отпустили на поруки,
На год, на час, на пять минут,
Поют девчонки о разлуке,
Мальчишки о любви поют!

Они лады перебирают,
Как будто лезут на рожон,
Они слова перевирают,
То в соль-мажор, то в ре-мажор.

А я, крестом раскинув руки,
Как оступившийся минер —
Все о беде и о разрухе,
Все в ре-минор, да в ре-минор...

ОТРЫВОК ИЗ РАДИО-ТЕЛЕВИЗИОННОГО
РЕПОРТАЖА
О ФУТБОЛЬНОМ МАТЧЕ МЕЖДУ СБОРНЫМИ
КОМАНДАМИ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И
СОВЕТСКОГО СОЮЗА

...Итак, судья Бидо, который, кстати, превосходно проводит сегодняшнюю встречу, просто превосходно, сделал внушение английскому игроку, — и матч продолжается. И снова, дорогие товарищи болельщики, дорогие наши телезрители, вы видите на ваших экранах, как вступают в единоборство центральный нападающий английской сборной, профессионал из клуба «Стар» Боби Лейтон и наш замечательный мастер кожаного мяча, аспирант Московского педагогического института Владимир Лялин, Володя Лялин — капитан и любимец нашей сборной! В этом единоборстве (кстати, обратите внимание — интересный игровой момент), итак, в этом единоборстве соперники соревнуются не только в технике владения мячом, но в понимании, так сказать, самой природы игры, в умении предугадать и предупредить самые тончайшие стратегические и тактические замыслы соперника...

А он мне все по яйцам целится,
Этот Боби, сука рыжая,
А он у них за то и ценится —
Мистер-шмистер, ставка высшая!

А я ему по-русски, рыжему, —
Как ни целься — выше, ниже ли,
Ты ударишь — я, бля, выживу,
Я ударю — ты, бля, выживи!

Ты, бля, думаешь, напал на дикаря,
А я сделаю культурно, втихаря,
Я, бля, врежу, как в парадном кирпичом —
Этот, с дудкой, не заметит нипочем!

В общем все — сказал по-тихому,
Не ревел,
Он ответил мне по-ихнему —
«Вери вэл...»

...Судья Бидо фиксирует положение вне игры — великолепно проводит матч этот арбитр из Франции, великолепно, по-настоящему спортивно, строго, по-настоящему арбитр международной квалификации. Итак, свободный удар от наших ворот, мяч рикошетом попадает снова к Боби Лейтону, который в окружении остальных игроков по центру продвигается к нашей штрафной площадке. И снова перед ним вырастает Владимир Лялин, Володя! Володечка! Его не обманул финт англичанина — он преграждает ему дорогу к нашим воротам...

Ты давай из кучи выгляни,
Я припас гостинчик умнику,
Финты-шминты с фигли-миглями —
Это, рыжий, — все на публику!

Не держи меня за мальчика,
Мы еще поспорим в опыте,
Что ж я, бля, не видел мячика?
Буду бегать, где ни попадя?!

Я стою, а он как раз наоборот,
Он, бля, режет, вижу, угол у ворот,
Натурально, я на помощь вратарю —
Рыжий — с ног, а я с улыбкой говорю —

Думал вдарить, бля, по-близкому,
В дамки шел?!
А он с земли мне по-английскому —
«Данке шён!..»

...Да, странно, странно, просто непонятное решение — судья Бидо почему-то принимает обыкновенный силовой прием за нарушение правил и назначает одиннадцатиметровый удар в наши ворота. Это неприятно, это неприятно, несправедливо и... а... вот здесь мне подсказывают — оказывается, этот судья Бидо просто прекрасно известен нашим журналистам, как один из самых продажных политиканов от спорта, который в годы оккупации Франции сотрудничал с гитлеровской разведкой. Ну, итак, мяч установлен на одиннадцатиметровой отметке, кто же будет бить, а, ну, все тот же самый Боби Лейтон, он просто симулировал травму, вот он разбегается, удар!.. Да, досадный и несправедливый гол, кстати, единственный гол за всю эту встречу, единственный гол за полминуты до окончания матча, единственный

и несправедливый, несправедливый, досадный гол,
забитый в наши ворота.

Да, игрушку мы просерили,
Протютюкали, прозяпали,
Хорошо б она на Севере,
А ведь это ж, бля, на Западе,

И пойдет теперь мурыжево —
Федерация, хренация,
Как, мол, ты не сделал рыжего —
Где ж твоя квалификация?!

Вас, засранцев, опекаешь и растишь,
А вы, суки, нам мараете престиж!
Ты ж советский, ты же чистый, как кристалл!
Начал делать, так уж делай, чтоб не встал!

Духу нашему спортивному
Цвесь везде!
Я отвечу по-партийному —
Будет сде...!

ГОРЕСТНАЯ ОДА СЧАСТЛИВОМУ ЧЕЛОВЕКУ

Посвящается Петру Григорьевичу Григоренко

Когда хлестали молнии ковчег,
Воскликнул Ной, предупреждая страхи:
«Не бойтесь, я счастливый человек,
Я человек, родившийся в рубахе!»

Родившийся в рубахе человек!
Мудрейшие, почтеннейшие лица
С тех самых пор, уже который век,
Напрасно ищут этого счастливца.

Который век всё нет его и нет,
Лишь горемыки прут без перебоя,
И горячат умы, и застыт свет,
А Ной наврал, как видно, с перепоя!

И стал он утешеньем для калек,
И стал героем сказочных забавок, —
Родившийся в рубашке человек,
Мечта горластых повивальных бабок!

А я гляжу в окно на грязный снег,
На очередь к табачному киоску,
И вижу, как счастливый человек
Стоит и разминает папироску.

Он брал Берлин! Он, правда, брал Берлин,
И врал про это скучно и нелепо,
И вышибал со злости клином клин,
И шифер с базы угонял «налево».

Вот он выходит в стужу из кино,
И сам не зная про свою особость,
Мальчонке покупает «эскимо»,
И лезет в переполненный автобус.

Он водку пил и пил одеколон,
Он песни пел и женщин брал нахрапом!
А сколько он повкалывал кайлом!
А сколько он протопал по этапам!

И сух был хлеб его, и прост ночлег!
Но все народы перед ним — во прахе.
Вот он стоит — счастливый человек,
Родившийся в смирительной рубахе!

ПЕСНЯ ПРО СЧАСТЬЕ

Ты можешь найти на улице копейку
И купить коробок спичек,
Ты можешь найти две копейки
И позвонить кому-нибудь из автомата,
Ну, а если звонить тебе некому,
Так зачем тебе две копейки?
Не покупать же на две копейки
Два коробка спичек!

Можно вообще обойтись без спичек,
А просто прикурить у прохожего,
И заговорить с этим прохожим,
И познакомиться с этим прохожим.
И он даст тебе номер своего телефона,
Чтоб ты позвонил ему из автомата...
Но как же ты сможешь позвонить ему из автомата
Если у тебя нет двух копеек?!

Так что лучше уж не прикуривать у прохожего,
Лучше просто купить коробок спичек,
Впрочем, и для этого сначала нужно
Найти на улице одну копейку...

ПЕСНЯ О ТБИЛИСИ

«На холмах Грузии лежит ночная мгла...»

А. Пушкин

Я не сумел понять Тебя в тот раз,
Когда в туманы зимние оправлен,
Ты убегал от посторонних глаз,
Но все же был прекрасен без прикрас,
И это я был злобою отравлен.

И Ты меня провел на том пиру,
Где до рассвета продолжалось бденье,
А захмелел — и головой в Куру,
И где уж тут заметить поутру
В глазах хозяйки скучное презренье!

Вокруг меня сомкнулся, как кольцо,
Твой вечный шум в отливах и приboях.
Потягивая кислое винцо,
Я узнавал усатое лицо
В любом пятне на выцветших обоях.

И вновь зурна вступала в разговор,
И вновь с бокалом истово и пылко
Болтает вздор подонок и позёр...
А мне почти был сладок Твой позор,
Твоя невиноватая ухмылка.

И в самолете, по пути домой,
Я наблюдал злорадно, как грузины,
В Москву, еще объятую зимой,

Везут мешки с оранжевой хурмой,
И с первой мимозой корзины.

И я не понял, я понять не мог,
Какую Ты торжествовал победу,
Какой Ты дал мне гордости урок,
Когда кружил меня, сбивая с ног,
По ложному, придуманному следу!

И это все — и Сталин, и хурма,
И дым застоля, и рассветный кочет, —
Все для того, чтоб не сойти с ума,
А суть Твоя является сама,
Но лишь, когда сама того захочет!

Тогда тускнеют лживые следы,
И начинают раны врачеваться,
И озаряет склоны Мтацменды
Надменный голос счастья и беды,
Нетленный голос Нины Чавчавадзе!

Прекрасная и гордая страна!
Ты отвечаешь шуткой на злословье.
Но криком вдруг срывается зурна,
И в каждой капле кислого вина
Есть неизменно сладкий привкус крови!

Когда дымки плывут из-за реки,
И день дурной синоптики пророчат,
Я вижу, как горят черновики!
Я слышу, как гудят грузовики!
И сапоги охранников грохочут —

И топчут каблуками тишину,
И женщины не спят, и плачут дети,
Грохочут сапоги на всю страну!
А Ты приемлешь горе, как вину,
Как будто только Ты за все в ответе!

Не остывает в кулаке зола,
Все в мерзлый камень памятью одето,
Все, как удар ножом из-за угла...
«На холмах Грузии лежит ночная мгла...»
И как еще далёко до рассвета!

ВЕК НЫНЕШНИЙ И ВЕК МИНУВШИЙ

Понимая, что нет в оправданиях смысла,
Что бесчестье кромешно и выхода нет,
Наши предки писали предсмертные письма,
А потом, помолившись: — Во веки и присно... —
Запирались на ключ — и к виску пистолет.

А нам и честь, и чох, и чёрт —
Неведомые области!
А нам признание и почет
За верность общей подлости!
А мы баюкаем внучат
И ходим на собрания,
И голоса у нас звучат
Все чище и сопраннее!..

ЗАПОЙ ПОД НОВЫЙ ГОД

По-осеннему деревья належке,
Керосиновые пятна на реке,
Фиолетовые пятна на воде,
Ты сказала мне тихонько: «Быть беде».

Я позабыл твое лицо,
Я пьян был к полдню,
Я подарил твое кольцо, —
Кому, не помню...

Я подымал тебя на смех,
И врал про что-то,
И сам смеялся больше всех,
И пил без счета,

Из шутовства, из хвастовства
В то — балаганье,
Я предал все твои слова
На поруганье,

Качалась пьяная мотня
Вокруг приборно,
И ты спросила у меня:
«Тебе не больно?»

Не поймешь — не то январь, не то апрель,
Не поймешь — не то метель, не то капель,
На реке не ледостав, не ледоход,
Старый год, а ты сказала — Новый Год,

Их век выносит на-гора,
И — марш по свету,
Одно отличие — номера,
Другого нету!

О, этот серый частокол —
Двадцатый опус,
Где каждый день, как протокол,
А ночь, как обыск,

Где все зазря и все не то,
И все непрочно,
Который час, и то никто
Не знает точно,

Лишь неизменен календарь
В приметах века —
Ночная улица. Фонарь.
Канал. Аптека...

В этот вечер, не сумевший стать зимой,
Мы дороги не нашли к себе домой,
Я спросил тебя: «А может, все не зря?»
Ты ответила — старинным быть нельзя.

НОВОГОДНЯЯ ФАНТАСМАГОРИЯ

В новогодний бедлам, как в обрыв на крутом
вираже,
Все еще только входят, а свечи погасли уже,
И лежит в сельдерее, убитый злодейским ножом,
Поросенок с бумажною розой, покойник-пижон.

А полковник-пижон, что того поросенка принес,
Открывает «боржом» и целует хозяйку взасос,
Он совсем разнуздался, подлец, он отбился от рук,
И следят за полковником три кандидата наук.

А хозяйка мила, а хозяйка чертовски мила,
И уже за столом, как положено, куча-мала —
Кто-то ест, кто-то пьет, кто-то ждет, что ему
подмигнут,
И полковник надрался, как маршал, за десять
минут.

Над его головой произносят заздравную речь
И суют мне гитару, чтоб общество песней
развлечь...
Ну, помилуйте, братцы, какие тут песни, пока
Не допили еще, не доели цыплят табакá.

Вот полковник желает исполнить романс
«Журавли»,
Но его кандидаты куда-то поспать увели,
И опять кто-то ест, кто-то пьет, кто-то плачет
навзрыд,

Зазвонил телефон, и хозяйка махнула рукой, —
Подождите, не ешьте, оставьте кусочек, другой, —
И уже в телефон, отгоняя ладошкой дым, —
Приезжайте скорей, а не то мы его доедим! —
И опять все смеются, смеются, смеются до слез...

...А за окнами снег, а за окнами белый мороз,
Там бредет моя белая тень мимо белых берез...

ПОСЛЕ ВЕЧЕРИНКИ

Под утро, когда устанут
Влюбленность и грусть, и зависть,
И гости опохмелятся
И выпьют воды со льдом,
Скажет хозяйка — хотите
Послушать старую запись? —
И мой глуховатый голос
Войдет в незнакомый дом.

И кубики льда в стакане
Звякнут легко и ломко,
И странный узор на скатерти
Начнет рисовать рука,
И будет брэнчать гитара,
И будет крутиться пленка,
И в дальний путь к Абакану
Отправятся облака...

И гость какой-нибудь скажет:
— От шуточек этих зябко,
И автор напрасно думает,
Что сам ему чёрт не брат!
— Ну, что вы, Иван Петрович, —
Ответит ему хозяйка, —
Бояться автору нечего,
Он умер лет сто назад...

СЧАСТЬЕ БЫЛО ТАК ВОЗМОЖНО

Когда собьет меня машина,
Сержант напишет протокол,
И представительный мужчина...
И представительный мужчина
Тот протокол положит в стол.

Другой мужчина — ниже чином,
Взяв у начальства протокол,
Прочтет его в молчаньи чинном...
Прочтет его в молчаньи чинном
И пододвинет дырокол!

И продырявив лист по краю,
Он скажет: «Счастья в мире нет —
Покойник пел, а я играю...
Покойник пел, а я играю, —
Могли б составить с ним дуэт!»

СМЕРТЬ ИВАНА ИЛЬИЧА

Врач сказал: «Будь здоров! Паралич!»
Помирает Иван Ильич...

Ходят дети с внуками на цыпочках,
И хотя разлука не приспела,
Но уже месткомовские скрипочки
Принялись разучивать Шопена.

Врач сказал: «Может, день, может, два,
Он и счас уже дышит едва».

Пахнет в доме горькими лекарствами,
Подгоревшим давешним обедом,
Пахнет в доме скорыми мытарствами
По различным загсам и собесам.

Врач сказал: «Ай-ай-ай, вот-те раз!
А больной-то, братцы, помер у нас».

Был он председателем правления,
Но такая вещь житье-бытье,
Не напишешь просьбу о продлении,
Некому рассматривать ее.

Врач сказал: «Извиняюсь, привет!»
Ждал врача подгоревший обед.

СЛАВА ГЕРОЯМ

У лошади была грудная жаба,
Но лошадь, как известно, не овца!
И лошадь на парады выезжала,
И маршалу про жабу ни словца.

А маршал, бедный, мучился от рака,
Но тоже на парады выезжал,
Он мучился от рака, но, однако,
Он лошади об этом не сказал.

Нам этот факт Великая Эпоха
Воспеть велела в песнях и стихах,
Хоть лошадь та давным-давно издохла,
А маршала сгноили в Соловках.

БОЛЬНИЧНАЯ ЦЫГАНОЧКА

А начальник все, спьяну, про Сталина,
Все хватает баранку рукой,
А потом нас, конечно, доставили
Санитары в приемный покой.
Сняли брюки с меня и кожаночку,
Все мое покидали в мешок,
И прислали Марусю-хожалочку,
Чтоб дала мне живой порошок.

А я твердил, что я здоров,
А если ж, печки-лавочки,
То в этом лучшем из миров
Мне все давно до лампочки,
Мне все равно, мне все давно
До лампочки!

Вот лежу я на койке, как чайничек,
Злая смерть надо мною кружит,
А начальничек мой, а начальничек,
Он в отдельной палате лежит.
Ему нянечка шторку повесила,
Создают персональный уют,
Водят к гаду еврея-профессора,
Передачи из дома дают!

А там икра, а там вино,
И сыр, и печки-лавочки!
А мне — больничное говно,
Хоть это и до лампочки,

Хоть все равно, мне все давно
До лампочки!

Я с обеда для сестрина мальчика
Граммов сто отолью киселю,
У меня ж ни кола, ни калачика,
Я с начальством харчи не делю!
Я возил его, падлу, на «Чаечке»,
И к Маргошке возил, и в Фили,
Ой, вы добрые люди, начальнички!
Соль и гордость родимой земли!

Не то он зав, не то он зам,
Не то он печки-лавочки.
А что мне зам! Я сам с усам,
И мне чины до лампочки,
Мне все чины да ветчины
До лампочки!

Надеваю я утром пижамочку,
Выхожу покурить в туалет,
И встречая Марусю-хожалочку, —
Сколько зим, говорю, сколько лет!
Доложи, говорю, обстановочку,
А она отвечает не в такт —
Твой начальник дал упаковочку —
У него получился инфаркт! —

На всех больничных корпусах
И шум, и печки-лавочки,
А я стою — темно в глазах,
И как-то все до лампочки,

И как-то вдруг мне все вокруг
До лампочки...

Да, конечно, гражданка гражданочкой,
Но когда воевали, братва,
Мы ж с ним вместе под этой кожаночкой
Ночевали не раз и не два,
И тянули спиртягу из чайника,
Под обстрел загорали в пути...
Нет, ребята, такого начальника
Мне, наверно, уже не найти!

Не слезы это, а капель,
И все, и печки-лавочки.
И мне теперь, мне все теперь
Фактически до лампочки.
Мне все теперь, мне все теперь
До лампочки!

ПРАВО НА ОТДЫХ

Первача я взял ноль-восемь, взял халвы,
Пару «рижского» и керченскую сельдь,
И отправился я в Белые Столбы
На братана да на психов поглядеть.

Ах, у психов жизнь, так бы жил любой:
Хочешь — спать ложись, а хочешь — песни
пой!

Предоставлено им вроде литера,
Кому от Сталина, кому от Гитлера!

А братан уже встречает в проходной,
Он меня за опоздание корит,
Говорит — давай скорее по одной,
Тихий час сейчас у психов, — говорит.

Шизофреники — вяжут веники,
А параноики — рисуют нолики,
А которые просто нервные,
Те спокойным сном спят, наверное.

А как приняли по первой первача,
Тут братана прямо бросило в тоску,
Говорит, что он зарежет главврача,
Что тот, сука, не пустил его в Москву!

А ему ж в Москву не за песнями,
Ему выправить надо пенсию,
У него в Москве есть законная,
И еще одна есть — знакомая.

Мы пивком переложили, съели сельдь,
Закусили это дело косхалвой,
Тут братан и говорит мне: «Сень, а Сень,
Ты побудь здесь за меня денек-другой!

И по выходке, и по роже мы
Завсегда с тобой были схожими,
Тебе ж нет в Москве вдоха-продыха,
Поживи здесь, как в доме отдыха.»

Тут братан снимает тапки и халат,
Он мне волосы легонько ворошит,
А халат на мне — ну, прямо в аккурат,
Прямо, вроде на меня халат пошит!

А братан — в пиджак, да и к поезду,
А я булавочкой — деньги к поясу,
И иду себе на виду у всех,
А и вправду мне — отдохнуть не грех!

Тишина на белом свете, тишина,
Я иду и размышляю, не спеша, —
То ли стать мне президентом США,
То ли взять да и окончить ВПШ!..

Ах, у психов жизнь, так бы жил любой:
Хочешь — спать ложись, а хочешь — песни
пой!

Предоставлено н а м вроде литера,
Кому от Сталина, кому от Гитлера!..

РАССКАЗ, КОТОРЫЙ Я УСЛЫШАЛ В ПРИВОКЗАЛЬНОМ ШАЛМАНЕ

Нам сосиски и горчицу —
Остальное при себе,
В жизни может все случиться
Может «А», а может «Б».

Можно жизнь прожить в покое,
Можно быть всегда в пути...
Но такое, но такое! —
Это ж — Господи, прости!

Дядя Леша, бог рыбачий,
Выпей, скушай бутерброд,
Помяни мои удачи
В тот апрель о прошлый год,

В том апреле, как в купели,
Голубели невода,
А потом — отголубели,
Задубели в холода!

Но когда из той купели
Мы тянули невода,
Так в апреле преуспели,
Как, порою, за года!

Что нам Репина палитра,
Что нам Пушкина стихи:
Мы на брата — по два литра,
По три порции ухи!

И айда за той, фартовой,
Закусивши удила,
За той самой, за которой
Три деревни, два села!

Что ни вечер — «Кукарача»!
Что ни утро, то аврал!
Но случилась беда —
Я документ потерял!

И пошел я к Львовой Клавке:
— Будем, Клавка, выручать,
Оформляй мне, Клавка, справки,
Шлепай круглую печать!

Значит, имя, год рожденья,
Званье, член КПСС.
Ну, а дальше — наважденье,
Вроде вдруг попутал бес.

В состоянии помятом
Говорю для шутки ей, —
— Ты, давай, мол, в пункте пятом
Напиши, что я — еврей!

Посмеялись и забыли,
Крутим дальше колесо,
Нам все это, вроде пыли,
Но совсем не вроде пыли
Дело это для ОСО!

Вот прошел законный отпуск,
Начинается мотня.
Первым делом, сразу «допуск»
Отбирают у меня,

И зовет меня Особый,
Начинает разговор, —
— Значит, вот какой особый,
Прямо скажем, хитрожопый!
Оказался ты, Егор!

Значит все мы, кровь на рыле,
Топай к светлому концу!
Ты же будешь в Израйле
Жрать, подлец, свою мацу!

Мы стоим за дело мира,
Мы готовимся к войне!
Ты же хочешь, как Шапиро,
Прохлаждаться в стороне!

Вот зачем ты, вроде вора,
Что желает — вон из пут,
Званье русского майора
Променял на «пятый пункт».

Я ему, с тоской в желудке,
Отвечаю, еле жив, —
— Это ж я за ради шутки,
На хрена мне Тель-Авив!

Как он гаркнет: — Я не лапоть!
Поищи-ка дурачков!
Ты же явно хочешь драпать!
Это ж видно без очков!

Если ж кто того не видит,
Растолкуем в час-другой,
Нет, любезный, так не выйдет,
Так не будет, дорогой!

Мы тебя — не то что взгреем,
Мы тебя сотрем в утиль!
Нет, не зря ты стал евреем!
А затем ты стал евреем,
Чтобы смыться в Израиль!

И пошло тут, братцы-друзи,
Хоть ложись и в голос вой!..

Я теперь живу в Калуге,
Беспартийный, рядовой!

Мне теперь одна дорога,
Мне другого нет пути:
— Где тут, братцы, синагога?!
Подскажите, как пройти!

РЕКВИЕМ ПО НЕУБИТЫМ

Когда началась «Шестидневная война», я жил за городом, у меня испортился транзистор, поэтому я двое суток пользовался только сообщениями радиоточки. Из этих сообщений я создал себе, естественно, совершенно превратное представление о том, что происходит, и на второй вечер написал стихи, которые совершенно не соответствуют действительности...

Шесть с половиной миллионов,
Шесть с половиной миллионов,
Шесть с половиной миллионов!
А надо бы ровно десять!
Любителей круглого счета
Должна порадовать весть,
Что жалкий этот остаток
Сжечь, расстрелять, повесить
Вовсе не так уж трудно,
И опыт, к тому же, есть!

Такая над миром темень,
Такая над миром темень,
Такая над миром темень!
Глаз ненароком выколешь!
Каждый случайный выстрел
Несметной грозит бедой,
Так что же тебе нейметя,
Красавчик, фашистский выкормыш,

Увенчанный нашим орденом
И Золотой Звездой?!

Должно быть, тобой заслужено,
Должно быть, тобой заслужено,
Должно быть тобой заслужено.
По совести и по чести!
На праведную награду
К чему набрасывать тень?!
Должно быть, с Павликом Коганом
Бежал ты в атаку вместе,
И рядом с тобой под Выборгом
Убит был Арон Копштейн!

Тоненькой струйкой дыма,
Тоненькой струйкой дыма,
Тоненькой струйкой дыма
В небо уходит Ева,
Падает на Апельплаце,
Забитый насмерть Адам!
И ты по ночам, должно быть,
Кричишь от тоски и гнева,
Носи же свою награду
За всех, что остались там!

Голос добра и чести,
Голос добра и чести,
Голос добра и чести
В разумный наш век бесплоден!
Но мы вознесем молитву
До самых седьмых небес!
Валяйте — детей и женщин!

Не трогайте гроб Господень!
Кровь не дороже нефти,
А нефть нужна позарез!

Во имя Отца и Сына...
Во имя Отца и Сына...
Во имя Отца и Сына!..
Мы к ночи помянем чёрта,
Идут по Синаю танки,
И в черной крови пески!
Три с половиной миллиона
Осталось до ровного счета!
Это не так уж много —
Сущие пустыки!

ЗА СЕМЬЮ ЗАБОРАМИ

Мы поехали за город,
А за городом дожди,
А за городом заборы,
За заборами — Вожди,

Там трава несмятая,
Дышится легко,
Там конфеты мятные
«Птичье молоко».

За семью заборами,
За семью запорами,
Там конфеты мятные
«Птичье молоко»!

Там и фауна, и флора,
Там и галки, и грачи,
Там глядят из-за забора
На прохожих стукачи,

Ходят вдоль да около,
Кверху воротник...
А сталинские соколы
Кушают шашлык!

За семью заборами,
За семью запорами,
Сталинские соколы
Кушают шашлык!

А ночами, а ночами
Для ответственных людей,
Для высокого начальства
Крутят фильмы про блядей!

И сопя уставится,
На экран мурло...
Очень ему нравится
Мерелин Монро!

За семью заборами,
За семью запорами,
Очень ему нравится
Мерелин Монро!

Мы устали с непривычки,
Мы сказали:
— Боже мой!
Добрели до электрички
И поехали домой.

А в пути по радио
Целый час подряд,
Нам про демократию
Делали доклад.

А за семью заборами,
За семью запорами,
Там доклад не слушают —
Там шашлык едят!

ПО ОБРАЗУ И ПОДОБИЮ

или, как было написано на воротах Бухенвальда:
Jedem das Seine — «Каждому — свое»

Начинается день и дневные дела,
Но треклятая месса уснуть не дала,
Ломит поясницу и ноет бок,
Бесконечной стиркою дом пропах...
— С добрым утром, Бах, — говорит Бог,
— С добрым утром Бог, — говорит Бах.
С добрым утром!..

...А над нами с утра, а над нами с утра,
Как кричит воронье на пожарище,
Голосят рупора, голосят рупора —
С добрым утром, вставайте, товарищи!

А потом, досыпая, мы едем в метро,
В электричке, в трамвае, в автобусе,
И орут, выворачивая нутро,
Рупора о победах и доблести.

И спросонья бывает такая пора,
Что готов я в припадке отчаянья
Посшибать рупора, посбивать рупора,
И услышать прекрасность молчания...

Под попреки жены, исхитрись-ка, изволь
Сочинить переход из це-дура в ха-моль,

От семейных ссор, от долгов и склок,
Никуда не деться и дело — швах,
— Но не печалься, Бах, — говорит Бог,
— Да уж ладно. Бог, — говорит Бах.
Да уж ладно!..

..А у бабки инсульт, и хворает жена,
И того не хватает и этого,
И лекарства нужны, и больница нужна,
Только место не светит покедова,

И меня в перерыв вызывают в местком,
Ходит зав по месткому присядкою,
Раз уж дело такое, то мы подмогнем,
Безвозвратную ссудим десяткою.

И кассир мне деньгу отслюнит по рублю,
Ухмыльнется ухмылкой грабительской,
Я пол-литра куплю, валидолу куплю,
Двести сыра, и двести «любительской»...

А пронзительный ветер — предвестник зимы,
Дует в двери капеллы Святого Фомы,
И поет орган, что всему итог —
Это вечный сон, это тлен и прах!
— Но не кощунствуй, Бах, — говорит Бог,
— А ты дослушай, Бог, — говорит Бах.
Ты дослушай!..

А у суки-соседки гулянка в соку,
Воют девки, хихикают хахали,
Я пол-литра открою, нарежу сырку,
Дам жене валидолу на сахаре,

И по первой налью, и налью по второй,
И сырку, и колбаски покушаю,
И о том, что я самый геройский герой,
Передачу охотно послушаю.

И трофейную трубку свою запалю,
Посмеюсь над мычащею бабкою,
И еще раз налью, и еще раз налью,
И к соседке схожу за добавкою...

Он снимает камзол, он сдирает парик,
Дети шепчутся в детской — вернулся старик,
Что ж — ему за сорок, немалый срок,
Синева, как пыль, — на его губах...
— Доброй ночи, Бах, — говорит Бог,
— Доброй ночи, Бог, — говорит Бах.
Доброй ночи!..

ФАРС-ГИНЬОЛЬ

Все засранцы, все нахлебники
Жрут и пьют, и воду месят,
На одни, считай, учебники
Чуть не рупь уходит в месяц!
Люська-дура заневестила,
Никакого с нею слада!
А у папеньки-то шестеро,
Обо всех подумать надо —

Надо и того купить, и сего купить,
А на копеечки-то вовсе воду пить,
А сырку к чайку или ливерной —
Тут двугривенный, там двугривенный,
А где ж их взять?!

Люське-дурочке все хаханьки,
Все малина ей, калина,
А Никитушка-то махонький
Чуть не на крик от колита!
Подтянул папаня помочи,
И с улыбкой незавидной
Попросил папаня помощи
В касе помощи взаимной,

Чтоб и того купить, и сего купить,
А на копеечки-то вовсе воду пить,
А сырку к чайку или ливерной —
Тут двугривенный, там двугривенный,
А где ж их взять!

Попросил папаня слезно и
Ждет решенья, нет покоя...
Совещанье шло серьезное
И решение такое —
Подмогнула б тебе касса, но
Кажный рупь — идет на стройку!
Посему тебе отказано,
Но сочувствуем, поскольку:

Надо ж и того купить, и сего купить,
А на копеечки-то вовсе воду пить,
А сырку к чайку или ливерной —
Тут двугривенный, там двугривенный,
А где ж их взять! —

Вот он запил, как залеченный,
Два разá бил морду Люське,
А в субботу поздно вечером
Он повесился на люстре...

Ой, не надо «скорой помощи»!
Нам бы медленную помощь!
Скорый врач обрезал помочи
И сказал, что помер в полночь...
Помер смертью незаметною,
Огорчения не вызвал,
Лишь записочку предсмертную
Положил на телевизор:

Что, мол, хотел он и того купить,
и сего купить,
А на копеечки-то вовсе воду пить!
А сырку к чайку или ливерной —
Тут двугривенный, там двугривенный,
А где ж их взять?!

БАЛЛАДЫ

БАЛЛАДА О ЧИСТЫХ РУКАХ

Развеен по ветру подмоченный порох,
И мы привыкаем (как деды, точь-в-точь!)
Гонять вечера в незатейливых спорах,
Побасенки слушать и воду толочь.
Когда-то шумели, теперь поутихли,
Под старость любезней — покой и почет,
А то, что опять Ярославна в Путивле
Горюет и плачет, так это не в счет.
Уж мы-то рукав не омочим в Каяле,
Не сунем в ладонь арестантскую хлеб,
Безгрешный холуй, запасайся камнями,
Разучивай, загодя, праведный гнев!
Недаром из школьной науки
Всего нам милей слова —
Я умываю руки!
Ты умываешь руки!
Он умывает руки —
И хоть не расти трава!
Не высшая математика,
А просто, как дважды два!

Так здравствуй же вечно, премудрость холопья,
Премудрость мычать, и жевать, и внимать,
И помнить о том, что народные копья
Народ никому не позволит ломать.
Над кругом гончарным поет о тачанке
Усердное время, бессмертный гончар.
А танки идут по вацлавской брусчатке
И наш бронепоезд стоит у Градчан!

А песня крепчает — «взвивайтесь кострами!»
И пепел с золою, куда ни ступи.
Взвиваются ночи кострами в Острове,
В мордовских лесах и в казахской степи.
На севере и на юге —
Над ржавой землею дым,
А я умываю руки!
А ты умываешь руки!
А он умывает руки,
Спасая свой жалкий Рим!
И нечего притворяться — мы ведаем, что творим!

БАЛЛАДА О ВЕЧНОМ ОГНЕ

Посвящается Льву Копелеву

...Мне рассказывали, что любимой мелодией лагерного начальства в Освенциме, мелодией, под которую отправляли на смерть очередную партию заключенных, была песенка «Тум-балалайка», которую обычно исполнял оркестр заключенных.

...«Червоны маки на Монте-Кассино» — песня польского Сопротивления.

...«Неизвестный», увенчанный славою бранной!
Удалец-молодец или горе-провидец?!
И склоняют колени под гром барабанный
Перед этой загадкой Главы Правительств!
Над немymi могилами — воплем! — надгробья...
Но порою надгробья — не суть, а подобья,
Но порой вы не боль, а тщеславье храните —
Золоченные буквы на черном граните!..

Все ли про то спето?
Все ли навек — с болью?
Слышишь, труба в гетто
Мертвых зовет к бою!
Пой же, труба, пой же,
Пой о моей Польше,
Пой о моей маме —
Там, в выгребной яме!..
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-балалайка, шпил балалайка,
Рвется и плачет сердце мое!

А купцы приезжают в Познань,
Покупают меха и мыло...
Подождите, пока не поздно,
Не забудьте, как это было!
Как нас черным огнем косило
В той последней слепой атаке...
«Маки, маки на Монте-Кассино»,
Как мы падали в эти маки.
А на ярмарке — все красиво,
И шуршат то рубли, то марки...
«Маки, маки на Монте-Кассино»,
Ах, как вы почернели, маки!

Но зовет труба в рукопашный,
И приказывает — воюйте!
Пой же, пой нам о самой страшной,
Самой твердой в мире валюте!..
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-балалайка, шпил балалайка,
Рвется и плачет сердце мое!
Помнишь, как шел ошалелый паяц
Перед шеренгой на Аппельплац,
Тум-балалайка, шпил балалайка,
В газовой камере — мертвые в пляс...

А вот еще:
В мазурочке
То шагом, то ползком,
Отправились два «урочки»
В поход за «языком»!
В мазурочке, в мазурочке
Нафабрены усы,

Затикали в подсумочке
Трофейные часы!
Мы пьем, гуляем в Познани
Три ночи и три дня...
Ушел он неопознанный,
Засек патруль меня!
Ой, зори бирюзовые,
Закаты — анилин!
Пошли мои кирзовые
На город на Берлин!
Грома гремят басовые
На линии огня,
Идут мои кирзовые,
Да только без меня!..
Там у речной излучины
Зеленая кровать,
Где спит солдат обученный,
Обстрелянный, обученный
Стрелять и убивать!
Среди пути прохожего —
Последний мой постой,
Лишь нету, как положено,
Дощечки со звездой.

Ты не печалься, мама рódная,
Ты спи спокойно, почивай,
Прости-прощай разведка ротная,
Товарищ Сталин, прощевай!
Ты не кручинься, мама рódная,
Как говорят, судьба слепа,
И может статья, что народная
Не зарастет ко мне тропа...

А еще:

Где бродили по зоне КаЭРы*,
Где под снегом искали гнилые корни,
Перед этой землей — никакие Премьеры,
Подтянувши штаны, не преклонят колени!
Над сибирской тайгой, над Камой, над Обью,
Ни венков, ни знамен не положат к надгробью!
Лишь, как вечный огонь, как нетленная слава —
Штабеля! Штабеля! Штабеля лесосплава!

Позже, друзья, позже,
Кончим навек с болью,
Пой же, труба, пой же!
Пой, и зови к бою!
Медною всей плотью
Пой про мою Потьму!
Пой о моем брате —
Там, в Ледяной Пади!..
Ах, как зовет эта горькая медь
Встать, чтобы драться, встать, чтобы сметь!
Тум-балалайка, шпил балалайка,
Песня, с которой шли мы на смерть!
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-бала, тум-бала, тум-балалайка,
Тум-балалайка, шпил балалайка,
Рвется и плачет сердце мое!

31 декабря 1968, г. Дубна

---

* КаЭРы — так в советских лагерях называли 58 статью (контрреволюционеры).

БАЛЛАДА О ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

*«...Призрак бродит по Европе,
призрак коммунизма...»*

Я научность марксистскую пестовал,
Даже точками в строчке не брезговал.
Запятым по пятам, а не дуриком,
Изучал «Капитал» с «Анти-Дюрингом».
Не стесняясь мужским своим признаком,
Наряжался на праздники призраком,
И повсюду, где устно, где письменно,
Утверждал я, что все это истинно.

От сих до сих, от сих до сих, от сих до сих,
И пусть я псих, а кто не псих? А вы не псих?

Но недавно случилась история —
Я купил радиолу «Эстония»,
И в свободный часок на полчаса
Я прилег позабавиться классикой.
Ну, гремела та самая опера,
Где Кармен свово бросила опера,
А когда откричал Эскамилио,
Вдруг своё я услышал фамилиё,

Ну, чёрт-те что, ну, чёрт-те что, ну, чёрт-те что!
Кому смешно, мне не смешно. А вам смешно?

Гражданин, мол, такой-то и далее —
Померла у вас тетка в Фингалии,
И по делу той тети Калерии

Ожидают вас в Инюрколлегии.
Ох, и вскинулся я прямо на́-дыбы,
Ох, не надо бы вслух, ох, не надо бы!
Больно тема какая-то склизкая,
Не марксистская, ох, не марксистская!

Ну, прямо срам, ну, прямо срам, ну, стыд и срам!
А я-то сам почти что зам! А вы не зам?

Ну, промаялся ночь, как в холере, я,
Подвела меня, падла, Калерия!
Ну, жена тоже плачет, печалится —
Культ — не культ, а чего не случается?!
Ну, бельишко в портфель, щетку, мыльницу,
Если сразу возьмут, чтоб не мыкаться.
Ну, являюсь, дрожу аж по потрохи,
А они меня чуть что не под руки.

И смех и шум, и смех и шум, и смех и шум!
А я стою — и ни бум-бум. А вы — бум-бум?

Первым делом у нас — совещание,
Зачитали мне вслух завещание —
Мол, такая-то, имя и отчество,
В трезвой памяти, все честью по чести,
Завещаю, мол, землю и фабрику
Не супругу, засранцу и бабнику,
А родной мой племянник Володечка
Пусть владеет всем тем на здоровьечко!

Вот это да, вот это да, вот это да!
Выходит так, что мне туда! А вам куда?

Ну, являюсь на службу я в пятницу,
Посылаю начальство я в задницу,
Мол, привет, по добру, по покойненьку,
Ваши сто — мне, как насморк — покойнику!
Пью субботу я, пью воскресенье,
Чуть посплю — и опять в окосение.
Пью за родину, и за не родину,
И за вечную память за тетину,

Ну, пью и пью, а после счет, а после счет,
А мне б не счет, а мне б еще. И вам еще?!

В общем, я за усопшую тетеньку
Пропил с книжки последнюю сотенку,
А как встал, так друзья мои, бражники,
Прямо все, как один, за бумажники:
— Дорогой ты наш, бархатный, саржевый,
Ты не брезговай, Вова, одалживай!
Мол, сочтемся когда-нибудь дружбою,
Мол, пришлешь нам, что будет ненужное. —

Ну, если так, то гран-мерси, то гран-мерси,
А я за это вам — джерси. И вам — джерси.

Наодалживал, в общем, до тыщи я,
Я ж отдам, слава Богу, не нищий я,
А уж с тыщи-то рад расстараться я —
И пошла ходуном ресторация...
С контрабаса на галстук — басовую!
Не «столичную» пьем, а «особую».
И какие-то две с перманентиком
Все назвать норовят меня Эдиком.

Гуляем день, гуляем ночь, и снова ночь,
А я не прочь, и вы не прочь, и все не прочь.

С воскресенья и до воскресения
Шло у нас вот такое веселие,
А очухался чуть к понедельнику,
Сел глядеть передачу по телику.
Сообщает мне дикторша новости
Про успехи в космической области,

А потом: Передаем сообщения из-за границы. Ре-
золюция в Фингалии! Первый декрет народной
власти о национализации земель, фабрик, заво-
дов и всех прочих промышленных предприя-
тий. Народы Советского Союза приветствуют и
поздравляют братский народ Фингалии со слав-
ной победой!

Я гляжу на экран, как на рвотное,
То есть, как это так, все народное?!
Это ж наше, кричу, с тетей Калею,
Я ж за этим собрался в Фингалию!
Негодяи, кричу, лоботрясы вы!
Это все, я кричу, штучки марксовы!
Ох, нет на свете печальнее повести,
Чем об этой прибавочной стоимости!

А я ж ее — от сих до сих, от сих до сих!
И вот теперь я полный псих! А кто не псих?!

БАЛЛАДА

о том, как едва не сошел с ума директор
антикварного магазина № 22 Копылов Н. А.,
рассказанная им самим доктору Беленькому Я. И.

...Допекла меня все же Тонечка,
Гарнитур купил ей ореховый!
Я ж не брал сперва — ни вот столечка!
А уж как начал, так поехало!
Как пошла молоть прорва адова —
Где по сотенке, где по камушку,
Намолола мне дачку в Кратове,
Намолола мне «Волгу»-матушку!
Деньги-денежки, деньги-катыши,
Вы и слуги нам, и начальники...
А у нас товар деликатнейший —
Не стандарт какой — чашки-чайники!

Чашки-чайники, фрукты-овощи!
Там кто хошь возьмет, хоть беспомощный!
Хоть беспомощный!

А у нас товар — на любителя,
Павлы разные, да Людовики,
А любителю — чем побитее,
Самый смак ему, что не новенький!
И ни-ни, чтоб по недомыслию
Спутать Францию или Швецию...
А недавно к нам на комиссию
Принесло одну старушенцию.
И в руках у ней — не хрусталина,

Не фарфоровые бомбончики,
А пластиночки с речью Сталина,
Ровно десять штук — и все в альбомчике.

А я стреляный, а я с опытом!
А я враз понял — пропал пропадом!
Пропал пропадом!

Тем речам цена — ровно тридцать «рэ»!
(И принес же чёрт сучку-пташечку!)
Ну, какой мне смысл на такой муре
Наблюдать пося небо в шашечку?!
Вот и вникните в данный факт, друзья,
(На добре ж сижу, не на ветоши!)
Мне и взять нельзя, и не взять нельзя —
То ли гений он, а то ли нет еще?!
Тут и в прессе есть расхождения,
И, вообще, идут толки разные...
Вот и вникните в положение
Исключительно безобразное!

Они спорят там, они ссорятся!
Ну, а я решай, а мне — бессонница!
Мне бессонница!

Я матком в душе, а сам с улыбочкой,
Выбираю слова приличные,
За альбомчик, мол, вам — спасибочко!
Мол, беру его — за наличные!
И даю я ей свои кровные,
Продавцы вокруг удивляются.
Они, может быть, деньги скромные,

Но ведь тоже зря не валяются!
И верчусь весь день, как на вертеле,
Ой, туманится небо светлое,
И хоть верьте мне, хоть не верьте мне,
А началось тут несусветное! —

А я стреляный! А я с опытом!
А я враз поня́л — пропал пропадом!
Пропал пропадом!

Или бабку ту сам засек народ,
Или стукнулась со знакомыми, —
Но с утра ко мне в три хвоста черед —
Все с пластинками, все с альбомами!
И растет, растет гора целая,
И наличность вся — в угасании!
Указание б чье-то ценное!
Так ведь нет его, указания!
В пух и прах пошла дачка в Кратове,
«Волга»-матушка — мое детище!
И гвоздит мне мозг многократное —
То ли гений он, а то ли нет еще?!

«Я маленькая девочка — танцую и пою,
Я Сталина не видела, но я его люблю!»

А я стреляный, а я с опытом!
А я враз поня́л — пропал пропадом!
Пропал пропадом!

...но доктор Беленький Я. И. не признал Копылова Н. А. душевнобольным и не дал ему направления в психиатрическую клинику...

КОРОЛЕВА МАТЕРИКА

Лагерная баллада, написанная в бреду

Когда затихает к утру пурга,
И тайга сопит, как сурок,
И еще до подъема часа полтора,
А это немалый срок.
И спят зэка, как в последний раз —
Натянул бушлат — и пока,
И вохровцы спят, как в последний раз —
Научились спать у зэка.
И начальнички спят, брови спят,
И лысины, и усы,
И спят сапоги, и собаки спят,
Уткнувши в лапы носы.
И тачки спят, и лопаты спят,
И сосны пятятся в тень,
И еще не пора, не пора, не пора
Начинать им доблестный день.
И один лишь «попка»* на вышке торчит,
Но ему не до спящих масс,
Он занят любовью — по младости лет
Свистит и дробит на Марс.
И вот в этот-то час, как глухая дрожь,
Проплывает во мгле тоска,
И тогда просыпается Белая Вошь,
Повелительница зэка,
А мы ее называли все —
Королева Материка!
Откуда всевластье ее взялось,

---

* «Попка» — вертухай, часовой.

Пойди, расспроси иных,
Но пришла она первой в эти края,
И последней оставит их...
Когда сложат из тачек и нар костер,
И волчий забыв раздор,
Станут рядом вохровцы и зэка,
И напишут в тот костер.
Сперва за себя, а потом за тех,
Кто пьет теперь Божий морс,
Кого шлепнули влет, кто ушел под лед,
Кто в дохлую землю вмерз,
Кого Колыма от аза до аза
Вгоняла в горячий пот.
О, как они ссали б, закрыв глаза,
Как горлица воду пьет!
А потом пропоет неслышно труба,
И расступится рвань и голь,
И Ее Величество Белая Вошь
Подойдет и войдет в огонь,
И взметнутся в небо тысячи искр,
Но не просто, не как-нибудь —
Навсегда крестом над Млечным Путем
Протянется Вшивый Путь!

Говорят, что когда-то, в тридцать седьмом,
В том самом лихом году,
Когда покойников в штабеля
Укладывали на льду,
Когда побрякивала тайга
От доблестного труда,
В тот год к Королеве пришла любовь,
Однажды и навсегда.

Он сам напросился служить в конвой,
Он сам пожелал в Дальлаг,
И ему с Королевой крутить любовь,
Ну, просто нельзя никак,
Он в нагрудном мешочке носил чеснок,
И деньги, и партбилет,
А она — Королева, а ей плевать —
Хочет он, или нет!
И когда его ночью столкнули в клеть,
Зачлись подлецу дела,
Она до утра на рыжем снегу
Слезы над ним лила,
А утром пришли, чтоб его зарыть,
Смотрят, а тела нет,
И куда он исчез — не узнал никто,
И это — Ее секрет!
А еще, говорят, что какой-то хмырь,
Начальничек из Москвы,
Решил объявить Королеве войну,
Пошел, так сказать, «на вы».
Он гонял на прожарку и в зоне и за,
Он вопил и орал: «Даеть!»
А был бы начальничек чуть поумней,
Он пошел бы с Ней на дележ, —
Чтобы пайку им пополам рубить,
И в трубу пополам трубить,
Но начальник умным не может быть,
Потому что — не может быть.
Он надменно верит, что он не он,
А еще миллион и он,
И каждое слово его — миллион,
И каждый шаг миллион.

Но когда ты один, и ночь за окном
От черной пурги хмельна,
Тогда ты один, и тогда беги!
Ибо дело твое — хана!
Тогда тебя не спасет миллион,
Не отобьет конвой!
И всю ночь, говорят, над зоною плыл
Тоскливый и страшный вой...
Его нашли в одном сапоге,
И от страха — рот до ушей,
И на вздувшейся шее тугой петлей
Удавка из белых вшей...
И никто с тех пор не вопит: «Даешь!»
И смеется исподтишка
Ее Величество Белая Вошь,
Повелительница зэка.
Вот тогда-то Ее и прозвали все —
Королева Материка.

Когда-нибудь все, кто придет назад,
И кто не придет назад,
Мы в честь Ее устроим парад,
И это будет парад!
По всей Вселенной (валяй, круши!)
Свой доблестный славя труд,
Ее Величества Белой Вши
Подданные пройдут,
Ее Величества Белой Вши
Данники всех времен.
А это сумеет любой дурак —
По заду втянуть ремнем,
А это сумеет любой дурак —

Палить в безоружных влады!
Но мы-то знаем, какая власть
Была и взаправду власть!
И пускай нам другие дают срока,
Ты нам вечный покой даешь,
Ты, Повелительница эка,
Ваше Величество Белая Вошь!
Наше Величество Белая Вошь!
Королева Материка!

БАЛЛАДА О СОЗНАТЕЛЬНОСТИ

Егор Петрович Мальцев
Хворает, и всерьез:
Уходит жизнь из пальцев,
Уходит из желез,

Из прочих членов тоже
Уходит жизнь его,
И вскорости, похоже,
Не будет ничего.

Когда нагрянет свора
Савеловских родных,
То что же от Егора
Останется для них?

Останется пальтишко,
Подушка, чтобы спать,
И книжка, и сберкнижка
На девять двадцать пять.

И таз, и две кастрюли,
И рваный подписной,
Просроченный в июле
Единый проездной.

И всё. И нет Егора!
Был человек, и нет!
И мы об этом скоро
Узнаем из газет.

Пьют газировку дети
И пончики едят,
Ему ж при диабете —
Все это чистый яд!

Вот спит Егор в постели,
Почти что невесом,
И дышит еле-еле,
И смотрит дивный сон —

В большом красивом зале,
Резону вопреки,
Лежит Егор, а сзади
Знамена и венки,

И алым светом залит
Большой его портрет,
Но сам Егор не знает,
Живой он или нет.

Он смаргивает мошек,
Как смаргивал живой,
Но он вращать не может
При этом головой.

И дух по залу спертый,
Как в общей душевой,
И он скорее мертвый,
Чем все-таки живой.

Но хором над Егором —
Краснознаменный хор,
Краснознаменным хором
Поет — вставай, Егор!

Вставай, Егор Петрович,
Во всю свою длину,
Давай, Егор Петрович,
Не подводи страну!

Центральная газета
Оповестила свет,
Что больше диабета
В стране советской нет!

Пойми, что с этим, кореш,
Нельзя озорничать,
Пойми, что ты позоришь
Родимую печать.

И сел товарищ Мальцев,
Услышав эту речь,
И жизнь его из пальцев
Не стала больше течь.

Егор трусы стирает,
Он койку застелил,
И тает, тает, тает
В крови холестерин...

По площади по Трубной
Идет он, милый друг,
И все ему доступно,
Что видит он вокруг!

Доступно кушать сласти
И газировку пить,
Лишь при советской власти
Такое может быть!

БАЛЛАДА О СТАРИКАХ И СТАРУХАХ,

с которыми я вместе жил и лечился в санатории
областного совета профсоюза в 110 км
от Москвы

Все завидовали мне: «Эко денег!»
Был загадкой я для старцев и стариц.
Говорили про меня: «Академик!»
Говорили: «Генерал-иностранец!»

О, бессонниц и снотворных отрав!
Может статья, это вы виноваты,
Что привиделась мне вздорная слава
В полумраке санаторной палаты?

А недуг со мной хитрил поминутно:
То терзал, то отпускал на поруки.
И все было мне так странно и трудно,
А труднее всего — были звуки.

Доминошники стучали в запале,
Привалившись к покарбанной пальме;
Старцы в чесанках с галошами спали
Прямо в холле, как в общественной спальне.

Я неслышно проходил: «Англичанин!»
Я козла не забивал: «Академик!»
И звонки мои в Москву обличали:
«Эко денег у него, эко денег!»

И казалось мне, что вздор этот вечен,
Неподвижен, словно солнце в зените...
И когда я говорил: «Добрый вечер!»,
Отвечали старики: «Извините».

И кивали, как глухие глухому,
Улыбались не губами, а краем:
«Мы, мол, вовсе не хотим по-плохому,
Но как надо, извините, не знаем...»

Я твердил им в их мохнатые уши,
В перекурах за сортирную дверью:
«Я такой же, как и вы, только хуже!»
И поддакивали старцы, не веря.

И в кино я не ходил: «Ясно, немец!»
И на танцах не бывал: «Академик!»
И в палатке я купил чай и перец:
«Эко денег у него, эко денег!»

Ну, и ладно, и не надо о славе...
Смерть подарит нам бубенчики славы!
А живем мы в этом мире послами
Не имеющей названья державы...

БАЛЛАДА

о том, как одна принцесса раз в два месяца
приходила поужинать в ресторан «Динамо»

*«...И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна...»*

А. Блок

Кивал с эстрады ей трубач,
Сипел трубой, как в насморке,
Он и прозвал ее, трепач,
Принцессой с Нижней Масловки.
Он подтянул, трепач, штаны,
И выдал румбу с перчиком,
А ей, принцессе, хоть бы хны,
Едва качнула плечиком —
Мол, только пальцем поманю,
Слетятся сотни соколов,
И села, и прочла меню,
И выбрала бефстроганов.

И все бухие пролетарии,
Все тунеядцы и жулье,
Как на комету в планетарии,
Глядели, суки, на нее...

Бабье вокруг, издавши стон,
Пошло махать платочками,
Она ж, как леди Гамильтон,
Пила ситро глоточками.
Бабье вокруг, — сплошной собес! —
Воздев, как пики, вилочки,

Рубают водку под супец,
Шампанское под килечки.
И, сталь коронок заголя,
Расправой бредят скорою,
Ах, эту б дочку короля
Шарахнуть бы «Авророю»!

И все бухие пролетарии,
Смирив идейные сердца,
Готовы к праведной баталии
И к штурму Зимнего дворца!

Душнее в зале, как в метро,
От пергидрольных локонов,
Принцесса выпила ситро
И съела свой бефстроганов.
И вновь тарашится бабье
На стать ее картинную,
На узком пальце у нее
Кольцо за два с полтиною.
А время подлое течет,
И зал пройдя, как пасеку,
«Шестерка» ей приносит счет,
И все, и крышка празднику!

А между тем, пила и кушала,
Вложив всю душу в сей процесс,
Благополучнейшая шушера,
Не признающая принцесс.

...Держись, держись, держись, держись,
Крепись и чисти перышки,

Такая жизнь — плохая жизнь —
У современной Золушки!
Не ждет на улице ее
С каретой фея крестная...
Жует бабье, сопит бабье,
Придумывает грозное!
А ей — не царство на веку —
Посулы да побасенки,
А там — вались по холодку!
«Принцесса» с Нижней Масловки!

И вот она идет меж столиков
В своем костюмчике джерси,
Ах, ей далеко до Сокольников,
Ах, ей не хватит на такси!

ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ КЛИМА ПЕТРОВИЧА
КОЛОМИЙЦЕВА, МАСТЕРА ЦЕХА, КАВАЛЕРА
МНОГИХ ОРДЕНОВ, ДЕПУТАТА ГОРСОВЕТА

История первая:

О ТОМ, КАК КЛИМ ПЕТРОВИЧ ВЫСТУПАЛ
НА МИТИНГЕ В ЗАЩИТУ МИРА

У жене моей спросите, у Даши,
У сестре ее спросите, у Клавки,
Ну, ни капельки я не был поддавши,
Разве только что маленько, с поправки.

Я культурно проводил воскресенье,
Я помылся и попарился в баньке,
А к обеду, как сошлась моя сёмья,
Начались у нас подначки да байки.

Только принял я грамм сто, для почина
Ну не более, чем сто, — чтоб я помер!
Вижу, к дому подъезжает машина,
И гляжу — на ней обкомовский номер!

Ну, я на крылечко, мол, что за гость?
Кого привезли, не чеха ли?
А там порученец — чернильный гвоздь,
«Сидай, — говорит, — поехали».

Ну, ежели зовут меня, то майна-вира,
В ДК* идет заутреня в защиту мира,
И Первый там, и прочие — из области.

---

* ДК — дом культуры.

Ну, сажусь я порученцу на ноги,
Он листок мне, я и тут не перечу.
«Ознакомься, — говорит, — по дороге
Со своею выдающейся речью».

Ладно, мыслю, набивай себе цену,
Я в зачтениях — мастак, слава Богу.
Приезжаем, прохожу я на сцену
И сажусь со всей культурностью сбоку.

Вот моргает мне, гляжу, председатель,
Мол, скажи свое рабочее слово,
Выхожу я, и не дробно, как дятел,
А неспешно говорю и сурово:

«Израильская, — говорю, — военщина
Известна всему свету.
Как мать, говорю, и как женщина:
Требую их к ответу!

Который год я вдовая —
Все счастье — мимо,
Но я стоять готовая
За дело мира!
Как мать вам заявляю и как женщина...»

Тут отвисла у меня, прямо, челюсть —
Ведь бывают же такие промашки!
Этот сучий сын, пижон-порученец,
Перепутал в суматохе бумажки.

И не знаю, продолжать или кончить,
Вроде в зале ни смешочков, ни вою,
Первый тоже, вижу, рожи не корчит,
А кивает мне своей головою.

Ну, и дал я тут галопом по фразам,
(Слава Богу, завсегда все и то же!)
А как кончил — все захлопали разом,
Первый тоже лично сдвинул ладоши.

А посла зазвал в свою вотчину
И сказал при всем окружении:
«Хорошо ты им дал! по-рабочему!
Очень верно осветил положение!»

Такая, вот, история!..

История вторая:

О ТОМ, КАК КЛИМ ПЕТРОВИЧ ДОБИВАЛСЯ,
ЧТОБЫ ЕГО ЦЕХУ ПРИСВОИЛИ ЗВАНИЕ
«ЦЕХА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА»
И. НЕ ДОБИВШИСЬ ЭТОГО, ЗАПИЛ

Все смеются на бюро: «Ты же витязь,
И жилплощадь, и получка по-царски».
Ну, а я им: «Извините, подвиньтесь!
Я ж за правду хлопочу, не за цацки!

Как хотите, на доске, на бумаге,
Цельным цехом отмечайте, не лично!
Мы ж работаем на весь наш соцлагерь,
Мы ж продукцию даем на отлично!

И совсем мне, говорю, не до смеху,
Это чье же, говорю, указанье,
Чтоб такому выдающему цеху
Не присваивать почетного званья!»

А мне говорят, все друзья говорят,
И Фрол, и Пахомов с Тонькою,
Никак, говорят, нельзя, говорят,
Уж больно тут дело тонкое!

А я говорю, матком говорю,
Пойду, говорю, в обком, говорю!

А в обкоме мне все то же: «Не суйся!
Не долдонь, как пономарь поминанье!
Ты ж партийный человек, а не зюзя,
Должен все ж таки иметь пониманье!

Мало, что ли, пресса ихняя треплет:
Все, что делается в нашенском доме?
Скажешь — дремлет Пентагон? Нет, не дремлет!
Он не дремлет, мать его, он на стреме!»

Ну, завелся я тут с пол-оборота:
«Так и будем сачковать, так и будем?!
Мы же в счет восьмидесятого года
Выдаем свою продукцию людям!»

А мне говорят, — ты чего, — говорят,
Орешь, как пастух на выпасе?
Давай, говорят, молчи, говорят,
Сиди, говорят, и не рыпайся!

А я говорю, в тоске говорю —
Продолжим наш спор в Москве, говорю!

Проживаюсь я в Москве, как собака:
Отсылает референт к референту, —
Ты и прав, мне говорят, но однако,
Не подходит это дело к моменту.

Ну, а вздумается вашему цеху,
Скажем, встать на юбилейную вахту?!
Представляешь сам, какую оценку
Бибиси дадут подобному факту?!

Ну, потом про ордена, про жилплощадь,
А прощаясь, говорят на прощанье —
Было б в мире положенье попроще —
Мы б охотно вам присвоили званье.

А так, говорят, ну, ты прав, говорят,
И продукция ваша лучшая,
Но все ж, говорят, не драп, говорят,
А проволока колючая...

Ну, что ж, говорю, отбой, говорю!
Пойду, говорю, в запой, говорю!

Взял — и запил...

История третья:

О ТОМ, КАК КЛИМ ПЕТРОВИЧ ВОССТАЛ ПРОТИВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ СЛАБОРАЗВИТЫМ СТРАНАМ

История очень трагическая, и Клим Петрович рассказывает ее в состоянии крайнего раздражения, поэтому он позволяет себе тут некоторые выражения, не вполне парламентские...

Прямо, думал я одно — быть бы живу,
Прямо, думал, до нутря просолюся!
А мотались мы тогда по Алжиру,
С делегацией ЦК профсоюза.

Речи, встречи, то да се, кроем НАТО,
Ну, вконец оголодал я, катаясь,
Мне ж лягушек ихних — на дух не надо!
Я им, сукиным детям, — не китаец!

Тут и Мао, сам-разсам окосел бы,
Быть бы живу, говорю, не до жира!
И одно мое спасенье — консервы,
Что мне Дарья в чемодан положила!

Но случилось, что она, с переляку,
Положила мне одну лишь «Салаку».
Я в отеле в их, засратом, в «Паласе»,
Запираюсь, как вернемся, в палате,
Помолюсь, как говорится, Аллаху,
И рубая в маринаде салаку!

А на утро я от жажды мычу,
И хоть воду мне давай, хоть мочу!
Ну, извелся я, и как-то под вечер
Не стерпел, и очутился в продмаге,
Я ж не лысы й, мать их так, я ж не вечен!
Я ж могу и помереть с той «Салаки»!

Вот стою я, прямо, злой, как Малюта,
То мне зябко в пинжаке, то мне жарко,
Хоть дерьмовая, а все же валюта!
Все же тратить исключительно жалко!

И беру я чтой-то вроде закуски,
Захудаленькую баночку с краю,
Ну, написано на ней не по-русски,
А по-ихнему я плохо читаю.

Подхожу я тут к одной сеньорите —
Извините, мол, комбьен, битте-дритте,
Подскажите, мол, не с мясом ли банка?
А она в ответ кивает, засранка.

И пошел я, как в беспамятстве, к кассе, —
И очнулся лишь в палате, в «Паласе».
Вот на койке я сижу нагишом,
И орудую консервным ножом!

И до самого рассветного часа
Матерился я в ту ночь, как собака!
Оказалось в этой банке не мясо!
Оказалась в этой банке салака!

И не то чтобы в Бразилии «маде»,
А написано ж внизу на наклейке,
Что, мол, «маде» в СССР, в маринаде,
В Ленинграде, рупь четыре копейки!

Нет уж, братцы, надо ездить поближе,
Не на край, расперемать его, света,
Мы им, гадам, помогаем, и мы же
Пропадаем, как клопы, через это!

Я-то думал, как-никак, заграница,
Думал память, как-никак, сохранится,
Оказалось, что они — голодранцы,
Понимают так, что мы — иностранцы!
И вся жисть их заграничная — лажа!
Даже хуже, извините, чем наша...

ПОЭМЫ

ПОЭМА О СТАЛИНЕ

«Впереди Иисус Христос»

А. Блок

глава 1

РОЖДЕСТВО

Все шло по плану, но немножко наспех.
Спускался вечер, спал младенец в яслях,
Статисты робко заняли места,
И Мать Божья наблюдала немо,
Как в каменное небо Вифлеема
Всходила Благовещенья звезда.
Но тут в вертеп ворвались два подпаска
И крикнули, что вышла неувязка,
Что праздник отменяется, увы,
Что римляне не понимают шуток.
И загрели на пятнадцать суток
Поддавшие не вовремя волхвы.

Стало тихо, тихо, тихо,
В крике замерли уста,
Зашипела, как шутиха,
И погасла та звезда.
Стало зябко, зябко, зябко,
И в предчувствии конца
Закудахтала козявка,
Вол заблеял, как овца.
Все завьили, захрипели,

Но не внемля той возне
Спал младенец в колыбели
И причмокивал во сне.

Уже светало, розовело небо,
Но тут раздались гулко у вертепа
Намеренно тяжелые шаги,
И Матерь Божья замерла в тревоге,
Когда открылась дверь и на пороге
Кавказские явились сапоги.
И разом потерявшие значенье
Столетия, лихолетья и мгновенья
Сомкнулись в безначальное кольцо,
А он вошел и поклонился еле,
И обратил неспешно к колыбели
Забрызганное оспою лицо.

«Значит, вот он — этот самый
Жалкий пасынок земной,
Что и кровью, и осанной
Потягается со мной...
Неужели, неужели
Столько лет и столько дней
Ты, сопящий в колыбели,
Будешь мукою моей?!
И меня с тобою, пешка,
Время бросит на весы?»
И недобрая усмешка
Чуть приподняла усы.

А три волхва томились в карантине.
Их в карантине быстро укротили,

Лупили и под вздох, и по челу,
И римский опер, жаждая награды,
Им говорил: «Сперва колитесь, гады!
А после разберемся — что к чему».
И понимая, чем грозит опала,
Пошли волхвы молотъ, что ни попало,
Припоминали даты, имена,
И полетели головы. И это
Была вполне весомая примета,
Что новые настали времена.

глава 2

КЛЯТВА ВОЖДЯ

«Потные, мордастые евреи,
Шайка проходимцев и ворья,
Всякие Иоанны и Матфеи,
Наплетут с три короба вранья.
Сколько их посыплют раны солью,
Лишь бы им взобратся на Синай.
Ладно, ладно, я не прекословлю, —
Ты был первый, Ты и начинай,
Встань — и в путь по городам и весям,
Чудеса и мудрости твори.
Отчего ж Ты, Господи, невесел?
Где они, соратники Твои?
Бражничали, ели, гостевали,
А пришла беда — и след простыл,
Нет, не зря Ты ночью в Гефсимани
Струсил и пардону запросил.

Где Твоих приспешников орава
В смертный Твой, в последний час земной?
И смеется над Тобой Варавва —
Он бы посмеялся н а д о м н о й !
Был Ты просто-напросто предтечей,
Не творцом, а жертвою стихий,
Ты не Божий сын, а человеческий,
Если смог воскликнуть: 'Не убий!'
Душ ловец, Ты вышел на рассвете
С бедной сетью из расхожих слов,
На исходе двух тысячелетий
Покажи, богат ли Твой улов?
Слаб душою и умом не шибок,
Верил Ты и Богу, и царю,
Я не повторю Твоих ошибок,
Ни одной из них не повторю!
В мире не найдется святотатца,
Чтобы пóднял н а м е н я копье,
Если ж я умру, — что может случиться, —
Вечным будет царствие мое!»

глава 3

ПОДМОСКОВНАЯ НОЧЬ

Он один, и ему неможется,
И уходит окно во мглу,
Он считает шаги, и множится
Счет шагов от угла к углу.
От угла до угла потерянно
Он шагает, как заводной,

Сто постелей ему постелено,
Не уснуть ему ни в одной.
По паркетному полу голому —
Шаг и отдых, и снова шаг,
Ломит голову, ломит голову,
И противно гудит в ушах,
Будто кто-то струну басовую
Тронул пальцем и канул прочь,
Что же делать ему в бессонную,
В одинокую эту ночь?

Вином упиться? Позвать врача?
Но врач — убийца, вино — моча...
На целом свете лишь сон и снег...
А он в ответе один за всех!

И, как будто стирая оспины,
Вытирает он пот со лба,
Почему, почему, о Господи,
Так жестока к нему судьба?
То предательством, то потерю
Оглушают всю жизнь его.
«Что стоишь ты там, за портьерою?
Ты не бойся меня, Серго!
Эту комнату неказистую
Пусть твое озарит лицо,
Ты напой мне, Серго, грузинскую,
Ту, любимую мной, кацо,
Ту, что деды певали исстари,
Отправляясь в последний путь,
Спой, Серго, и забудь о выстреле,
Хоть на десять минут забудь!

Но полно, полно, молчи, не пой!
Ты предал подло — и пес с тобой!
И пес со всеми — повзводно в тлен!
И все их семьи до ста колен!»
Повсюду злоба, везде враги,
Ледком озноба — шаги, шаги...

Над столицами поседевшими
Ночь и темень, хоть глаз коли,
Президенты спят с президентшами,
Спят министры и короли.
Мир, во славу гремевший маршами,
Спит в снегу с головы до пят,
Спят министры его и маршалы...
Он не знал, что они не спят,
Что притихшие, сводки утренней
В страхе ждут и с надеждой ждут,
А ему все хуже, все муторней,
Сапоги почему-то жмут...
Не приказанный, не положенный
За окном колокольный звон.
И, упав на колени: «Боже мой!» —
Произносит бессвязно он, —

Молю, Всевышний, Тебя, Творца,
На помощь вышли скорей гонца!
О, дай мне, дай же — не кровь, вино...
Забыл, как дальше... Но все равно,
Не ставь отточий,
Конца пути,
Прости мне, Отче,
Спаси... прости...»

НОЧНОЙ РАЗГОВОР В ВАГОНЕ-РЕСТОРАНЕ

Вечер, поезд, огоньки,
Дальняя дорога...
Дай-ка, братец, мне трески
И водочки немного.
Бассан-бассан-бассана,
Бассаната-бассаната...
Что с вином, что без вина —
Мне на сердце косовато.
Я седой не по годам,
И с ногою высохшей,
Ты слышал про Магадан?
Не слышал?! Так выслушай.
А случилось дело так:
Как-то ночью странную
Заявился к нам в барак
«Кум» со всей охраною.
Я подумал, что конец,
Распрощался матерно...
Малосольный огурец
Кум жевал внимательно.
Скажет слово и поест,
Морда вся в апатии,
«Был, — сказал он, — говны, съезд
Славной нашей партии.
Про Китай и про Лаос
Говорились прения,
Но особо встал вопрос
Про Отца и Гения».

Кум докушал огурец
И закончил с мукою:
«Оказался наш Отец
Не отцом, а сукою...»
Полный, братцы, ататуй!
Панихида с танцами!
И приказано стату́й
За ночь снять на станции.
...Ты представь — метет метель,
Темень, стужа адская,
А на нем одна шинель
Грубая, солдатская,
И стоит он напролом,
И летит, как конница,
Я сапог его кайлом,
А сапог не колетя.
Помню, глуп я был и мал,
Слышал от родителя,
Как родитель мой ломал
Храм Христа Спасителя.
Бассан-бассан-бассана,
Чёрт гуляет с опером.
Храм — и мне бы — ни хрена,
Опиум, как опиум,
А это ж Гений всех времен,
Лучший друг навеки!
Все стоим ревмя ревем,
И вохровцы, и ээки.
Но тут шарахнули запал,
Применили санкции, —
Я упал, и Он упал,
Завалил полстанции...

Ну, скостили нам срока́,
Приписали в органы,
Я живой еще пока,
Но, как видишь, дёрганный...
Бассан-бассан-бассана,
Бассаната-бассаната!
Лезут в поезд из окна
Бесенята, бесенята...
Отвяжитесь, мертвяки!
К чёрту, ради Бога...
Вечер, поезд, огоньки,
Дальняя дорога...

глава 5

ГЛАВА, НАПИСАННАЯ В СИЛЬНОМ ПОДПИТИИ
И ЯВЛЯЮЩАЯСЯ АВТОРСКИМ ОТСТУПЛЕНИЕМ

То-то радости пустомелям,
Темноты своей не стыжусь,
Не могу я быть Птоломеем,
Даже в Энгельсы не гожусь.
Но от вечного бегства в мыле,
Неустройством земным томим,
Вижу — что-то неладно в мире,
Хорошо бы заняться им,
Только век меня держит цепко,
С ходу гасит любой порыв,
И от горестей нет рецепта,
Все, что были, — сданы в архив.

И все-таки я, рискуя прослыть
Шутом, дураком, паяцем,
И ночью, и днем твержу об одном —
Не надо, люди, бояться!
Не бойтесь тюрьмы, не бойтесь сумы,
Не бойтесь мора и глада,
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет: «Я знаю, как надо!»
Кто скажет: «Идите, люди, за мной,
Я вас научу, как надо!»

И, рассыпавшись мелким бесом,
И поклявшись вам всем в любви,
Он пройдет по земле железом
И затопит ее в крови.
И наврет он такие враки,
И такой наплетет рассказ,
Что не раз тот рассказ в бараке
Вы помянете в горький час.
Слезы крови не солонее,
Даровой товар, даровой!
Прет история — Саломея
С Иоанновой головой.

Земля — зола и вода — смола,
И некуда, вроде, податься,
Неисповедимы дороги зла,
Но не надо, люди, бояться!
Не бойтесь золы, не бойтесь хулы,
Не бойтесь пекла и ада,
А бойтесь единственно только того,
Кто скажет: «Я знаю, как надо!»

Кто скажет: «Всем, кто пойдет за мной,
Рай на земле — награда».

Потолкавшись в отделе винном,
Подойду к друзьям-алкашам,
При участии половинном
Побеседуем по душам,
Алкаши наблюдают строго,
Чтоб ни капли не пролилось.
«Не встречали — смеются — Бога?»
«Ей же Богу, не привелось».
Пусть пивнуха не лучший случай
Толковать о добре и зле,
Но видали мы этот «лучший»
В белых тапочках, на столе.

Кому «сучок», а кому коньячок,
К начальству — на кой паяться?!
А я все твержу им, ну, как дурачок:
Да не надо, братцы, бояться!
И это бред, что проезда нет,
И нельзя входить без доклада,
А бояться-то надо только того,
Кто скажет: «Я знаю, как надо!»
Гоните его! Не верьте ему!
Он врет! Он не знает — как надо!

АВЕ МАРИЯ

Дело явно липовое — все, как на ладони,
 Но пятую неделю долбят допрос,
 Следователь-хмурик с утра на валидоле,
 Как пророк, подследственный бородой оброс...

А Мадонна шла по Иудее!
 В платице, застиранном до сини,
 Шла Она с котомкой за плечами,
 С каждым шагом становясь красивой,
 С каждым вздохом делаясь печальной,
 Шла, платок на голову набросив —
 Всех земных страданий средоточье,
 И уныло брел за Ней Иосиф,
 Убежавший славы Божий отчим...

Аве Мария!..
 Упекли пророка в республику Коми,
 А он и — перекинсья башкою в лебеду,
 А следователь-хмурик получил в месткоме
 Льготную путевку на месяц в Теберду...

А Мадонна шла по Иудее!
 Оскользаясь на размокшей глине,
 Обдирая платье о терновник,
 Шла Она и думала о Сыне,
 И о смертных горестях сыновьих.
 Ах, как ныли ноги у Мадонны,
 Как хотелось всхлипнуть по-ребячьи,
 А вослед Ей ражие долдоны
 Отпускали шутки жеребьячьи...
 Аве Мария!

Грянули впоследствии всякие хренации,
Следователь-хмурик на пенсии в Москве,
А справочку с печатью о реабилитации
Выслали в Калинин пророковой вдове...

А Мадонна шла по Иудее!
И все легче, тоньше, все хуже
С каждым шагом становилось тело...
А вокруг шумела Иудея
И о мертвых помнить не хотела.
Но ложились тени на суглинок,
И таились тени в каждой пяди,
Тени всех бутырок и треблинок,
Всех измен, предательств и распятий...
Аве Мария!..

КАДИШ*

Эта поэма посвящена памяти великого польского писателя, врача и педагога Якова Гольдшмидта (Януша Корчака), погибшего вместе со своими воспитанниками из Варшавской школы-интерната «Дом сирот» в лагере уничтожения Трешлинка.

Как я устал повторять бесконечно все то же и
то же,
Падать и вновь на своя возвращаться круги.
Я не умею молиться, прости меня, Господи Боже,
Я не умею молиться, прости меня и помоги...

А по вечерам все так же, как ни в чем не бывало,
играет музыка:

Сэн-Луи блюз — ты во мне как боль, как ожог,
Сэн-Луи блюз — захлебывается рожок!

А вы сидите и слушаете,
И с меня не сводите глаз,
Вы платите деньги и слушаете,
И с меня не сводите глаз,
Вы жрете, пьете и слушаете,
И с меня не сводите глаз,
И поет мой рожок про дерево,
На котором я вздерну вас!
Да-с!
Да-с!..

«Я никому не желаю зла, не умею, просто не знаю,
как это делается».

Януш Корчак. Дневник.

* Кадиш — это еврейская поминальная молитва, которую произносит сын в память о покойном отце.

Уходят из Варшавы поезда,
И все пустее гетто, все темней,
Глядит в окно чердачная звезда,
Гудят всю ночь, прощаясь, поезда,
И я прощаюсь с памятью своей...

Цыган был вор, цыган был врун,
Но тем милей вдвойне,
Он трогал семь певучих струн
И улыбался мне,
И говорил: «Учи, сынок,
Учи цыганский счет —
Семь дней недели создал Бог,
Семь струн гитары — чёрт,
И он ведется неспроста
Тот хитрый счет, пойми,
Ведь даже радуга, и та,
Из тех же из семи
Цветов...»

Осенней медью город опален,
А я — хранитель всех его чудес,
Я неразменным одарен рублем,
Мне ровно дважды семь, и я влюблен
Во всех дурнушек и во всех принцесс!

Осень меня своим крылом,
Город детства с тайнами неназванными,
Счастлив я, что и в беде и в праздновании
Был слугой твоим и королем.
Я старался сделать все, что мог,
Не просил судьбу ни разу: высвободи!
И скажу на самой смертной исповеди,

Если есть на свете детский Бог:
Все я, Боже, получил сполна,
Где, в которой расписаться ведомости?
Об одном прошу, спаси от ненависти,
Мне не причитается она.

И вот я врач, и вот военный год,
Мне семью пять, а веку семью два,
В обозе госпитальном кровь и пот,
И кто-то, помню, бредит и поет
Печальные и странные слова:
«Гори, гори, моя звезда,
Звезда любви, звезда приветная,
Ты у меня одна заветная,
Другой не будет...»
Ах, какая в тот день приключилась беда,
По дороге затопленной, по лесу,
Чтоб проститься со мною, с чужим, навсегда,
Ты прошла пограничную полосу.
И могли ль мы понять в том году роковом,
Что беда эта станет пощадою,
Полинявшее знамя пустым рукавом
Над платформой качалось дощатою.
Наступила внезапно чужая зима,
И чужая, и все-таки близкая,
Шла французская фильма в дрянном «синемá»,
Барахло торговали австрийское,
Понукали извозчики дохлых коняг,
И в кафе, заколоченном наглухо,
Мы с тобою сидели и пили коньяк,
И жевали засохшее яблоко.
И в молчаньи мы знали про нашу беду,

И надеждой не тешились гиблою,
И в молчаньи мы пили за эту звезду,
Что печально горит над могилою:
«Умру ли я, ты над могилою
Гори, сияй, моя звезда...»

Уходят из Варшавы поезда,
И скоро наш черед, как ни крути,
Ну, что ж, гори, гори, моя звезда,
Моя шестиконечная звезда,
Гори на рукаве и на груди!

Окликнет эхо давним прозвищем,
И ляжет снег покровом пряничным,
Когда я снова стану маленьким,
А мир опять большим и праздничным,
Когда я снова стану облаком,
Когда я снова стану зябликом,
Когда я снова стану маленьким,
И снег опять запахнет яблоком,
Меня снесут с крылечка, сонного,
И я проснусь от скрипа санного,
Когда я снова стану маленьким,
И мир чудес открою заново.

...Звезда в окне и на груди звезда,
И не поймешь, которая ясней,
А я устал, и, верно, неспроста
Гудят всю ночь, прощаясь, поезда,
И я прощаюсь с памятью моей...

А еще жила в «Доме сирот» девочка Натя. После тяжелой болезни она не могла ходить, но зато хорошо рисовала и сочиняла песенки — вот одна из них —

ПЕСЕНКА ДЕВОЧКИ НАТИ ПРО КОРАБЛИК

Я кораблик клеила
Из цветной бумаги,
Из коры и клевера,
С клевером на флаге.
Он зеленый, розовый,
Он в смолистых каплях,
Клеверный, березовый,
Славный мой кораблик, славный мой кораблик.
А когда забулькают ручейки весенние,
Дальнею дорогою, синевой морской,
Поплывет кораблик мой к острову Спасения,
Где ни войн, ни выстрелов, — солнце и покой.
Я кораблик ладила,
Пела, словно зяблик,
Зря я время тратила,
Сгинул мой кораблик.
Не в грозóвом отблеске,
В буре, урагане —
Попросту при обыске
Смяли сапогами...
Но когда забулькают ручейки весенние,
В облаках приветственно протрубит журавль,
К солнечному берегу, к острову Спасения
Чей-то обязательно доплывет корабль!

Когда-нибудь, когда вы будете вспоминать имена героев, не забудьте, пожалуйста, я очень прошу вас, не забудьте Петра Залевского, бывшего гренадера, инвалида войны, служившего сторожем у нас в «Доме сирот» и убитого польскими полициями во дворе осенью 1942 года.

Он убирал наш бедный двор,
Когда они пришли,
И странен был их разговор,
Как на краю земли,
Как разговор у той черты,
Где только «нет» и «да» —
Они ему сказали: «Ты,
А ну, иди сюда!»
Они спросили: «Ты поляк?»
И он сказал: «Поляк».
Они спросили: «Как же так?»
И он сказал: «Вот так».
«Но ты ж, культяпый, хочешь жить,
Зачем же, чёрт возьми,
Ты в гетто нянчишься, как жид,
С жидовскими детьми?!
К чему — сказали — трам-там-там,
К чему такая спесь?!
Пойми — сказали — Польша там!»
А он ответил: «Здесь!
И здесь она и там она,
Она везде одна —
Моя несчастная страна,
Прекрасная страна».
И вновь спросили: «Ты поляк?»
И он сказал: «Поляк».
«Ну, что ж, — сказали. — Значит, так?»
И он ответил: «Так.»
«Ну, что ж, — сказали. — Кончен бал!»
Скомандовали: «Пли!»
И прежде, чем он сам упал,
Упали костыли,

И прежде, чем пришли покой,
И сон, и тишина,
Он помахать успел рукой
Глядевшим из окна.
...О, дай мне Бог конец такой,
Всю боль испив до дна,
В свой смертный миг махнуть рукой
Глядящим из окна!

А потом наступил такой день, когда «Дому сирот», детям и воспитателям приказано было явиться с вещами на Умшлягплац (так называлась при немцах площадь у Гданьского вокзала).

Эшелон уходит ровно в полночь,
Паровоз-балбес пыхтит — Шалом! —
Вдоль перрона строем стала сволочь,
Сволочь провожает эшелон.
Эшелон уходит ровно в полночь,
Эшелон уходит прямо в рай,
Как мечтает поскорее сволочь
Донести, что Польша «юдэнфрай».
«Юдэнфрай» Варшава, Познань, Краков,
Весь протекторат из края в край
В черной чертовне паучьих знаков,
Ныне и вовеки — «юдэнфрай»!
А на Умшлягплаце у вокзала
Гетто ждет устало — чей черед,
И гремит последняя осанна
Лаем полиция — «Дом сирот!»
Шевелит губами переводчик,
Глотка пересохла, грудь в тисках,

Но уже поднялся старый Корчак
С девочкою Натей на руках.
Знаменосец, козырек заломом,
Чубчик вьется, словно завитой,
И горит на знамени зеленом
Клевер, клевер, клевер золотой.
Два горниста поднимают трубы,
Знаменосец, козырек с заломом,
Детские обветренные губы
Запевают гордо и легко:
«Наш славный поход начинается просто,
От Старого Мяста до Гданьского моста,
И дальше, и с песней, построясь по росту,
К варшавским предместьям, по Гданьскому мосту!
По Гданьскому мосту!
По улицам Гданьска, по улицам Гданьска
Шагают девчонки Марыся и Даська,
А маленький Боля, а рыженький Боля
Застыл, потрясенный, у края приборя,
у края приборя...»

Пахнет морем, теплым и соленым,
Вечным морем и людской тщетой,
И горит на знамени зеленом
Клевер, клевер, клевер золотой!
Мы идем по-четверо, рядами,
Сквозь кордон эсэсовских ворон...
Дальше начинается преданье,
Дальше мы выходим на перрон.
И бежит за мною переводчик,
Робко прикасается к плечу, —
«Вам разрешено остаться, Корчак», —
Если верить сказке, я молчу.
К поезду, к чугунному парому,

Я веду детей, как на урок,
Надо вдоль вагонов по перрону,
Вдоль, а мы шагаем поперек.
Рваными ботинками бряцая,
Мы идем не вдоль, а поперек,
И берут, смешавшись, полицаи
Кожаной рукой под козырек.
И стихает плач в аду вагонном,
И над всей прощальной маятой —
Пламенем на знамени зеленом
Клевер, клевер, клевер золотой.
Может, в жизни было по-другому,
Только эта сказка вам не врет,
К своему последнему вагону,
К своему чистилищу-вагону,
К пахнущему хлоркою вагону
С песнею подходит «Дом сирот»:
«По улицам Лодзи, по улицам Лодзи,
Шагают ужасно почтенные гости,
Шагают мальчишки, шагают девчонки,
И дуют в дуделки, и крутят трещотки...
И крутят трещотки!
Ведут нас дороги, и шляхи, и тракты,
В снега Закопане, где синие Татры,
На белой вершине — зеленое знамя,
И вся наша медная Польша под нами,
Вся Польша...»

...и тут кто-то, не выдержав, дал сигнал к отправлению — и эшелон Варшава-Треблинка задолго назначенного часа, случай совершенно невероятный, тронулся в путь...

Вот и кончена песня.
Вот и смолкли трещотки,
Вот и скорчено небо
В переплете решётки.
И державе своей
Под вагонную тряску
Сочиняет король
Угомонную сказку...
Итак, начнем, благословясь,...
Лет сто тому назад
В своем дворце неряха-князь
Развел везде такую грязь,
Что был и сам не рад,
И, как-то, очень рассердясь,
Призвал он маляра.
«А не пора ли, — молвил князь, —
Закрасить краской эту грязь?»
Маляр сказал: «Пора,
Давно пора, вельможный князь,
Давным давно пора».
И стала грязно-белой грязь,
И стала грязно-синей грязь,
И стала грязно-желтой грязь
Под кистью маляра.
А потому что грязь есть грязь,
В какой ты цвет ее ни крась.

Нет, некстати была эта сказка, некстати,
И молчит моя милая чудо-держава,
А потом неожиданно голосом Нати
Невпопад говорит: «До свиданья, Варшава!»
И тогда, как стучат колотушкой о шпалу,

Застучали сердца колотушкой о шпалу,
Загудели сердца: «Мы вернемся в Варшаву!
Мы вернемся, вернемся, вернемся в Варшаву!»
По вагонам, подобно лесному пожару,
Из вагона в вагон, от состава к составу,
Как присяга гремит: «Мы вернемся в Варшаву!
Мы вернемся, вернемся, вернемся в Варшаву!
Пусть мы дымом растаем над адовым пеклом,
Пусть тела превратятся в горючую лаву,
Но водой, но травой, но ветром, но пеплом,
Мы вернемся, вернемся, вернемся в Варшаву!»

А мне-то, а мне что делать?
И так мое сердце — в клочьях!
Я в том же трясусь вагоне,
И в том же горю пожаре,
Но из года семидесятого
Я вам кричу: «Пан Корчак!
Не возвращайтесь!
Вам стыдно будет в э т о й Варшаве!
Землю отмыли добела,
Нету ни рвов, ни кочек,
Гранитные обелиски
Твердят о бессмертной славе,
Но слезы и кровь забыты,
Поймите это, пан Корчак,
И не возвращайтесь,
Вам страшно будет в э т о й Варшаве!
Дали зрелищ и хлеба,
Взяли Вислу и Татры,
Землю, море и небо,
Все, мол, наше, а так ли?!

Дня осеннего пряжа
С вешим зовом кукушки
Ваша? Врете, не ваша!
Это осень Костюшки!
Небо в пепле и саже
От фабричного дыма
Ваше? Врете, не ваше!
Это небо Тувима!
Сосны — гордые стражи
Там, над Балтикой пенной,
Ваши? Врете, не ваши!
Это сосны Шопена!
Беды плодятся весело,
Радость в слезах и корчах,
И много ль мы видели радости
На маленьком нашем шаре?!
Не возвращайтесь в Варшаву,
Я очень прошу Вас, пан Корчак,
Не возвращайтесь,
Вам нечего делать в э т о й Варшаве!
Паясничают гомулкулусы,
Геройские рожи корчат,
Рвется к нечистой власти
Орава речистой швали...
Не возвращайтесь в Варшаву,
Я очень прошу Вас, пан Корчак!
Вы будете чужеземцем
В Вашей родной Варшаве!

А по вечерам все так же играет музыка. Музыка,
музыка, как ни в чем не бывало:

Сэн-Луи блюз — ты во мне как боль, как ожог,
Сэн-Луи блюз — захлебывается рожок!

На пластинках моно и стерео,
Горячей признанья в любви,
Поет мой рожок про дерево
Там, на родине, в Сэн-Луи.
Над землей моей отчей выстрелы
Пыльной ночью, все бах да бах!
Но гоните монету, мистеры,
И за выпивку, и за баб!
А еще, ну, прямо комедия,
А еще за вами должок —
Выкладывайте последнее
За то, что поет рожок!
А вы сидите и слушаете,
И с меня не сводите глаз,
Вы платите деньги и слушаете,
И с меня не сводите глаз,
Вы жрете, пьете и слушаете,
И с меня не сводите глаз,
И поет мой рожок про дерево,
На котором я вздерну вас!
Да-с! Да-с! Да-с!

«Я никому не желаю зла, не умею, просто не
знаю, как это делается».

Как я устал повторять бесконечно все то же и
то же,
Падать, и вновь на своя возвращаться круги.
Я не умею молиться, прости меня, Господи Боже.
Я не умею молиться, прости меня и помоги!..

СОДЕРЖАНИЕ

А. Дрор. Гитара Галича 5

Я ВЫБИРАЮ СВОБОДУ

Старательский вальсок	13
Петербургский романс	15
Закон природы	18
Вальс, посвященный уставу караульной службы	20
Памяти Живаго	23
Колыбельный вальс	26
Переселение душ	28
Неоконченная песня	29
Ночной дозор	31
Я выбираю Свободу	33
Песня исхода	35
Песенка-молитва	38
Без названия	40
Песня о ночном полете	43
Спрашивайте, мальчики!	45
Ошибка	46
Поезд	48
Уходят друзья	50
Засыпая и просыпаясь	52
Предостережение	54
Песня про острова	55
Виновники найдены	56
Песня о прекрасной даме	58
Я в путь собирался всегда налегке	60
Старый принц	61
Когда-нибудь дошлый историк	64

ОБЛАКА ПЛЫВУТ В АБАКАН

Облака	69
Песня о синей птице	71
Левый марш	73
Чехарда с буквами	76
Все не вовремя	78
Песня о последней правоте	80
Бессмертный Кузьмин	82
Заклинание	86
Желание славы	88
Песня про майора Чистова	93
Плясовая	95
Еще раз о чёрте	97
Фантазии на русские темы...	99
Песня-баллада про генеральскую дочь	104

«ЭРИКА» БЕРЕТ ЧЕТЫРЕ КОПИИ

Летят утки	109
Гусарская песня	112
Памяти Б. Л. Пастернака	114
Снова август	117
На сопках Манчжурии	120
Легенда о табаке	124
Возвращение на Итаку	129
Цыганский романс	132
Салонный романс	135
Песня про несчастливых волшебников	137
Съезду историков	140
Так жили поэты	141
Вальс-баллада про тещу из Иванова	143
Песня про велосипед	145
Юэ	148
От беды моей пустяковой	149
Кошачьими лапами вербы	151

Прощание с гитарой	152
Черновик эпитафии	154
Разговор с Музой	156
Песня	158
Мы не хуже Горация	161
Прилетает по ночам ворон	163

ЖУТКОЕ СТОЛЕТИЕ

Красный треугольник	167
Веселый разговор	171
Городской романс (Тонечка)	174
Леночка	176
Командировочная пастораль	180
Композиция № 27...	182
История одной любви...	184
Про маляров, истопника и теорию относительности	187
Я принимаю участие в научном споре...	189
Жуткое столетие	191
Фестиваль песни в Сопоте в августе 1969	194
Отрывок из репортажа...	196
Горестная ода счастливому человеку	200
Песня про счастье	202
Песня о Тбилиси	203
Век нынешний и век минувший	206
Запой под Новый Год	207
Новогодняя фантазмагория	209
После вечеринки	212
Счастье было так возможно	213
Смерть Ивана Ильича	214
Слава героям	215
Больничная цыганочка	216
Право на отдых	219
Рассказ, который я услышал в привокзальном шалмане	221
Реквием по неубитым	225

За семью заборами	228
По образу и подобию	230
Фарс-гиньоль	233

БАЛЛАДЫ

Баллада о чистых руках	237
Баллада о вечном огне	239
Баллада о прибавочной стоимости	243
Баллада о том, как едва не сошел с ума директор антикварного магазина...	247
Королева материка	250
Баллада о сознательности	255
Баллада о стариках и старухах	258
Баллада о том, как одна принцесса...	260

Истории из жизни Клима Петровича Коломийцева...

Как К. П. выступал на митинге в защиту мира	263
Как К. П. добивался, чтобы его цеху присвоили звание «цеха коммунистического труда» и, не добившись этого, запил	266
Как К. П. восстал против экономической помощи сла- боразвитым странам	269

ПОЭМЫ

Поэма о Сталине	
1. Рождество	275
2. Клятва вождя	277
3. Подмосковная ночь	278
4. Ночной разговор в вагоне-ресторане	281
5. Глава, написанная в сильном подпитии...	283
6. Аве Мария	286
Кадиш	288

Александр Аркадьевич Галич родился 19 октября 1919 г. Литературным творчеством начал заниматься очень рано, его поэтический талант был отмечен поэтом Э. Багрицким. Окончив студию Станиславского, А. Галич во время войны работал во фронтовом театре. С 1945 г. он становится профессиональным драматургом: в СССР поставлено десять пьес Галича, среди них — «Вас вызывает Таймыр», «Будни и праздники», «Походный марш»... Однако лучшие его произведения этого жанра были запрещены. (История запрещения его пьесы «Матросская тишина» рассказана писателем в книге «Генеральная репетиция», вышедшей летом 1974 г. в издательстве «Посев»). А. Галич также много работал в кинематографии, принимая деятельное участие в создании фильмов «Верные друзья», «На семи ветрах», «Государственный преступник» и многих других.

С начала 60-х годов А. Галич становится широко известен как поэт-песенник; магнитофонные — «самиздатовские» — записи его песен расходятся по всей стране. Злободневность содержания, остро сатирическая и политическая направленность произведений Галича не могли не привлечь внимания советских властей. 29 декабря 1971 г. А. Галич был исключен из СП, Союза кинематографистов и даже из Литфонда (второй случай за всю историю существования этой организации, первый — исключение А. Солженицына). Создав писателю обстановку непрекращающейся травли, власти вынудили его покинуть пределы Советского Союза. В июне 1974 г. А. Галич уехал из СССР, выбрав местом своего жительства Норвегию.